Атаманъ Богаевскій

Атаманъ Богаевскій

† 21 Октября 1934 г.

Сборникъ статей, посвященныхъ памяти Донского Атамана, Генералъ-Лейтенанта Африкана Петровича Богаевскаго

Изданіе Комиссіи по увѣковѣченію памяти Атамана

Главный Редакторъ:
Генералъ-Лейтенантъ А. ЧЕРЯЧУКИНЪ

Техническій Редакторъ:
Хорунжій П. ГУСЕВЪ

ПАРИЖЪ
21 Октября 1935 г.

ОТЪ КОМИССІИ ПО УВѢКОВѢЧЕНІЮ ПАМЯТИ АТАМАНА А. П. БОГАЕВСКАГО

21 октября 1935 года — годъ какъ ушелъ отъ насъ въ лучшій міръ послѣдній выборный на Дону, нашъ Атаманъ Африканъ Петровичъ Богаевскій.

Во исполненіе желанія казаковъ, переданнаго представителями организацій, увѣковѣчить память умершаго Атамана помимо памятника на могилѣ, отдѣльной брошюрой, Комиссія по увѣковѣченію памяти Атамана Генерала А. П. Богаевскаго выпускаетъ эту брошюру и предлагаетъ всѣмъ желающимъ пріобрѣсти ее, какъ память объ Атаманѣ, раздѣлившемъ съ нами въ изгнаніи всѣ тяготы и горести нашей эмигрантской жизни.

Приступая къ изданію этой брошюры, комиссія имѣла въ виду путемъ статей лицъ, знавшихъ А. П. Богаевскаго во всѣхъ отрасляхъ его служебной дѣятельности, и въ разные годы его частной жизни, полнѣе его охарактеризовать, дабы сохранить память въ казачествѣ, этого добраго, преисполненнаго доброжелательства къ окружающимъ и любви къ казакамъ Атамана, отдавшаго всю свою жизнь и здоровье служенію Великой Россіи и Тихому Родному Дону.

Митрополитъ ЕВЛОГІЙ.

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ ДОНСКОГО АТАМАНА А. П. БОГАЕВСКАГО

Смерть генерала А. П. Богаевскаго острою болью отозвалась въ сердцахъ всѣхъ, кто близко зналъ его, кто встрѣчался съ нимъ на жизненной дорогѣ. Съ уходомъ его не только осиротѣли его родные донцы, а всѣ его друзья, родные и знакомые — живо почувствовали какую-то пустоту, — однимъ добрымъ прекраснымъ человѣкомъ стало меньше.

Я почти не зналъ его въ Россіи, до революціи,и потому не могу дать характеристики его прежней служебной дѣятельности, я познакомился съ нимъ уже здѣсь, на чужбинѣ, въ эмиграціи и сразу почувствовалъ большую симпатію къ его милой, обаятельной личности. Всегда мягкій, деликатный, доброжелательный съ пріятной улыбкой своихъ красивыхъ ласковыхъ глазъ, онъ производилъ самое привлекательное впечатлѣніе на своего собесѣдника. И это впечатлѣніе не было обманчивымъ: за обаятельною внѣшностью скрывалось доброе, золотое сердце, отзывчивое на всякое людское горе, на всякую нужду. Могу твердо свидѣтельствовать объ этомъ на основаніи моихъ нерѣдкихъ бесѣдъ съ нимъ о судьбахъ эмиграціи и въ особенности казачества. Какъ онъ любилъ своихъ родныхъ казаковъ! Какъ заботился о нихъ! Какъ болѣлъ ихъ нуждами и наконецъ какъ мучительно страдалъ онъ отъ происходившихъ среди нихъ раздоровъ и раздѣленій! Иногда онъ пріоткрывалъ мнѣ свои наболѣвшія душевныя раны и мнѣ навсегда запечатлѣлось скорбное выраженіе его лица въ эти минуты. Всѣмъ существомъ своимъ онъ жилъ жизнью своего казачества, отдавая себя всецѣло, до конца,служенію ему. Мнѣ кажется, что чрезмѣрныя, непосильныя заботы и огорченія, связанныя съ жизнью казачества больше всего разстроили его здоровье, причинили ему ту болѣзнь сердца, которая преждевременно свела его въ могилу. Я живо помню, какъ онъ уже совсѣмъ больной , задыхающійся, съ большимъ волненіемъ говорилъ о казачьихъ дѣлахъ, какъ терзалось его больное сердце, когда въ этихъ дѣлахъ происходили какіе либо трудности, замѣшательства, недоразумѣнія.

А. П. Богаевскій былъ глубоко вѣрующій православный христіанинъ, который горячо любилъ свою православную русскую церковь, живо интересовался положеніемъ ея и принимавшій въ ея жизни свое посильное, дѣятельное участіе. Онъ состоялъ чле-

номъ Приходского Совѣта двухъ церквей въ Парижѣ: кафедральной Александро-Невской и преподобнаго Серафима Саровскаго и членомъ строительнаго Комитета по выкупу храма-памятника св. Алексія, Митрополита Московскаго въ Лейпцигѣ (въ Германіи). Этотъ послѣдній храмъ будучи нашей общерусской національной святыней, особенно близокъ казачеству, ибо подъ его сводами покоятся кости нѣсколькихъ тысячъ донцовъ, которые вмѣстѣ съ другими частями русской арміи въ 1813 году участвовали въ знаменитой «битвѣ народовъ». Онъ сооруженъ во имя св. Алексія, небеснаго покровителя послѣдняго Атамана Казачьихъ Войскъ Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича; чудный стильный иконостасъ и богатая, драгоцѣнная утварь въ немъ — это щедрые дары сыновъ Тихаго Дона. Съ большой любовью и энергіей А. П. Богаевскій собиралъ средства для того, чтобы этотъ прекрасный храмъ перешелъ въ наше владѣніе, съ большимъ вниманіемъ входилъ въ подробное обсужденіе этого труднаго дѣла и радовался отъ всей души, когда оно благополучно завершилось.

Горячему русскому патріоту, беззавѣтно любившему свой край, свою Россію и свой русскій народъ, не суждено было увидѣть родную землю и привести туда своихъ родныхъ донцовъ, но онъ завѣщалъ имъ свое чистое, свѣтлое имя, которое не умретъ въ памяти казачества, освѣщая его жизненные пути и научая какъ нужно свою Родину любить и какъ ей служить.

Митрополитъ ЕВЛОГІЙ.

ОТЪ ДОНСКОГО АТАМАНА

Въ день первой годовщины безвременной кончины моего предшественника, Донского Атамана Африкана Петровича Богаевскаго, я не могу не вспомнить о его долгомъ служенiи Россiи и нашему героическому, славному Тихому Дону и всему казачеству.

Избранный Войсковымъ Кругомъ въ самый трагическiй моментъ нашей донской исторiи, онъ оставался на этомъ высокомъ посту до самой смерти.

Да сохранится же въ нашихъ сердцахъ память о Донскомъ Атаманѣ Африканѣ Петровичѣ, которому судьба не дала дождаться часа освобожденiя отъ большевистскаго ига горячо любимой имъ Родины и Всевеликаго войска Донского.

Вѣчная ему память.

ГРАФЪ ГРАББЕ

17 октября 1935 г.

Ген. А. В. ЧЕРЯЧУКИНЪ

Предсѣдатель Комиссіи по увѣковѣченію памяти Атамана.

ДОНСКОЙ АТАМАНЪ АФРИКАНЪ ПЕТРОВИЧЪ БОГАЕВСКІЙ

Происходя изъ скромной семьи потомственныхъ дворянъ Войска Донского станицы Каменской, Африканъ Петровичъ родился 27 декабря 1872 года въ скромной военной семьѣ, предки которой принимали участіе въ Отечественной войнѣ 1812 г., въ войнѣ за покореніе Кавказа и при оборонѣ Севастополя.

Такая среда естественно имѣла вліяніе на рѣшеніе пустить его по военной службѣ къ чему и стали его готовить, отдавъ его въ Донской Императора Александра III корпусъ, только что открывшійся въ Новочеркасскѣ, который онъ и окончилъ однимъ изъ первыхъ въ 1890 г.

Въ дѣтскіе годы, на школьной скамьѣ въ корпусѣ, 50 лѣтъ назадъ мы встрѣтились съ нимъ.

Передо мною встаетъ въ памяти образъ смуглаго мальчика, съ нѣсколько калмыцкимъ разрѣзомъ глазъ, который въ первые же дни поступленія въ корпусъ оказался моимъ сосѣдомъ и въ классѣ и въ строю.

Мы скоро съ нимъ подружились и часто помогая другъ другу въ классныхъ работахъ, въ часы досуга дѣлились впечатлѣніями о жизни въ станицѣ и хуторахъ и разсказами о службѣ прадѣдовъ и дѣдовъ въ Отечественную войну, при оборонѣ Севастополя и въ послѣднюю тогда войну съ турками 1878-1879 г. г.

Тихій, всегда спокойный, прекраснаго характера, онъ снискалъ себѣ общее расположеніе какъ со стороны товарищей кадетъ, такъ и со стороны воспитателей и преподавателей корпуса.

Не по лѣтамъ серьезный и вдумчивый, онъ былъ чуждъ дѣтскихъ шалостей и никогда не принималъ участія въ мальчишескихъ забавахъ и продѣлкахъ, особенно направленныхъ противъ воспитательскаго и преподавательскаго персонала.

Нѣсколько мѣшковатый и не особенно сильный по строю и гимнастикѣ, онъ являлся авторитетомъ въ знаніи русскаго языка и литературы и былъ нашимъ справочникомъ по орфографіи и бывали случаи, когда даже учитель (къ слову сказать неудачный) на вопросы, поставленные кадетами какъ писать то-то и то-то,

обращался къ Африкану Петровичу и спрашивалъ: «Богаевскій, — Вы какъ думаете». и Богаевскій рѣшалъ.

Перейдя по окончаніи корпуса въ 1890 году въ Николаевское Кавалерійское училище въ Петербургѣ, Африканъ Петровичъ и здѣсь, благодаря своему незлобивому характеру и прилежанію заслуживаетъ общую симпатію.

Отъ Петербурга онъ беретъ лучшее. Чуждаясь кутежей, онъ досугъ свой используетъ на посѣщеніе музеевъ и библіотекъ. Музеи и живопись развиваютъ въ немъ художественный вкусъ — онъ не дурно рисуетъ.

Какъ записанный за отличные успѣхи на мраморную доску училища, А. П. по окончаніи послѣдняго выходитъ въ Л.-Гв. Атаманскій Наслѣдника Цесаревича полкъ.

Желаніе усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ побуждаетъ его разстаться съ роднымъ полкомъ и поступить въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, которую онъ и кончаетъ успѣшно въ 1900 году.

Будучи однимъ изъ лучшихъ изъ числа окончившихъ Академію, онъ причисляется къ Генеральному Штабу и прикомандировывается къ штабу Петербургскаго военнаго округа. Въ этомъ округѣ проходитъ дальнѣйшая его служба въ мирное время сначала въ качествѣ причисленнаго въ штабѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, а затѣмъ постепенно: старшимъ адъютантомъ штаба 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, и. д. штабъ-офицера для порученій при штабѣ округа, старшаго адъютанта штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа и начальника штаба 2-й гв. кав. дивизіи.

Какъ зарекомендовавшій себя съ выдающейся стороны, А. П. 6 іюня 1904 г. командируется штабомъ округа на одинъ годъ въ Германію (гор. Кассель) для усовершенствованія въ знаніи нѣмецкаго языка.

По возвращеніи изъ командировки, для отбыванія ценза — командованіе эскадрономъ Л. -Гв. Драгунскаго полка, а для ознакомленія съ веденіемъ полковаго хозяйства — прикомандированіе къ Л.-Гв. Конно-Гренадерскому полку.

Въ должности нач. штаба 2-й гв. кав. дивизіи, для полученія права на зачисленіе въ кандидаты на должность командира полка А. П. успѣшно прошелъ парфорсныя охоты въ Виленской губерніи.

13 октября 1914 г. — назначеніе командиромъ 4-го гусарскаго Маріупольскаго фельдмаршала князя Витгенштейна полка, съ коимъ А. П. выступаетъ на театръ военныхъ дѣйствій въ великую войну 7 ноября 1914 г., а 14 января 1915 г. онъ назначается командиромъ Л. Гв. сводно-казачьяго полка.

22 марта того же года производство въ генералъ-майоры и 27 сентября того же года зачисленіе въ Свиту Его Величества.

Съ 4 октября 1915 г. — начальникъ штаба Походнаго Атамана, съ 7 апрѣля 1917 г. приказомъ Арміи и Флота назначеніе Командующимъ 1-й Забайкальской казачьей дивизіей.

Приказомъ по гвардейскому корпусу 16 августа 1917 г. А. П. вступаетъ въ командованіе гвардейской кавалерійской дивизіей и послѣ ея развала, по приказу Донского Атамана ген. А. М. Каледина, уѣзжаетъ на Донъ, гдѣ съ 5 января по 9 фераля 1918 года командуетъ войсками Ростовскаго района и послѣ боевъ подъ Таганрогомъ и Ростовомъ уходитъ съ Добровольческой арміей въ 1-й Кубанскій походъ, во время котораго участвуетъ въ 35 бояхъ, командуя сначала партизанскимъ полкомъ, а затѣмъ 2-й пѣхотной бригадой.

Во время службы въ Добровольческой Арміи по свидѣтельству соучастниковъ, Африканъ Петровичъ въ бояхъ проявлялъ самое удивительное спокойствіе и незаурядную храбрость и своими распоряженіями и умѣніемъ вести бой создалъ себѣ славу выдающагося военнаго.

5 мая 1918 г., по предложенію Атамана П. Н. Краснова, принимаетъ должность Управляющаго Отдѣломъ Иностранныхъ Дѣлъ, а 6 мая назначается Предсѣдателемъ Совѣта Управляющихъ отдѣлами Правительства Всевеликаго Войска Донского.

26 августа Большой Войсковой Кругъ производитъ А. П. въ генералъ-лейтенанты, а 6-го февраля 1919 г. тотъ же Кругъ избираетъ его Войсковымъ Атаманомъ.

Во время гражданской войны на Дону Африкану Петровичу пришлось много поработать въ вопросахъ объ объединеніи Дона, Кубани и Терека, о взаимоотношеніи казаковъ съ Добровольческой Арміей и о будущемъ казачества. Здѣсь же въ эмиграціи, легло на него тяжелое бремя заботъ объ улучшеніи жизни на чужбинѣ казаковъ не только донскихъ, но и другихъ Войскъ.

Способный, спокойнаго характера, А. П. при кажущейся медлительности, на всѣхъ должностяхъ его служебной дѣятельности являлся для каждаго начальника желаннымъ помощникомъ и офицеромъ; этимъ объясняется его быстрое продвиженіе по службѣ и награды, полученныя имъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Онъ имѣлъ: Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ, 3-й ст. съ мечами и 2-й ст.; Св. Анны 3 ст., 2 ст. и 1 ст. съ мечами; св. Станислава 3 ст., 1 ст. съ мечами; Георгіевское оружіе, Георгіевскій крестъ 4 ст., знакъ I Кубанск. похода на гергіевской лентѣ. Медали: въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ, царствованія Имп. Александра III, священнаго Коронованія, Отечественной войны за участіе дѣда въ Бородинскомъ сраженіи и Краснаго Креста.

Иностранные ордена: Черногорскій Князя Даніила 1-го, 3-й и 5-й ст., французскій офицерскій крестъ Почетнаго Легіона, шведскій орденъ Меча, персидскій Льва и Солнца, 1-й ст., сербскій Бѣлаго Орла и англійскій Георгія и Михаила со звѣздой и лентой.

Его добродушный характеръ, его незлобивость, художественная жилка въ рисованіи и способность улавливать юмористическую

сторону всякаго случая дѣлали его пріятнымъ знакомымъ, отличнымъ товарищемъ, занимательнымъ собесѣдникомъ.

Разнообразная блестящая карьера отъ скромнаго куреня въ станицѣ до генерала Свиты Его Величества и до дворца выборнаго Атамана Всевеликаго Войска Донского давали ему жизненный опытъ и умѣніе разбираться въ обстановкѣ.

Уже скованный тяжелой болѣзнью, въ заботахъ о казачьихъ нуждахъ, онъ, несмотря на недугъ, руководилъ работами по созыву общеказачьяго съѣзда, считая его необходимымъ для лучшаго рѣшенія вопросовъ объ улучшеніи жизни казаковъ на чужбинѣ.

Въ день Войскового Праздника въ 1934 году, когда каждый казакъ особенно долженъ былъ быть мыслью со своимъ роднымъ Дономъ и со своимъ Атаманомъ, его не стало.

А. ЧЕРЯЧУКИНЪ

Ген. А. И. ДЕНИКИНЪ

РУССКІЙ ПАТРІОТЪ И ДОНСКОЙ АТАМАНЪ

Русская смута перевернула вверхъ дномъ рядъ прочно сложившихся представленій, искажая не разъ ихъ самоочевидную сущность. Такая участь постигла въ извѣстной степени и вопросъ о природѣ казачества. Бывало въ прошломъ, напримѣръ, не мало столкновеній между Дономъ и Москвою (центральной властью), вызванныхъ и причинами соціально-экономическими, и неумѣренной централизаціей сверху, и неумѣреннымъ свободолюбіемъ снизу. Но кому же въ голову пришло бы до революціи противопоставлять Донъ — Россіи и создавать нелѣпыя теоріи о государственной и даже племенной его самобытности...

Въ сущности казачья масса въ эти смутные годы никогда и нигдѣ не проявляла стремленія къ отрыву отъ Россіи. Интегральной самостійностью болѣла лишь небольшая часть казачьихъ верховъ. Но ихъ ученіе, пронесенное черезъ годы гражданской войны и эмиграціи, въ какой то степени находило отраженіе въ казачьей мысли съ одной стороны, и вызывало настороженное отношеніе — подчасъ необоснованное — въ «россійскихъ» кругахъ — съ другой. Не даромъ покойный Африканъ Петровичъ Богаевскій изъ году въ годъ на эмигрантскихъ собраніяхъ не упускалъ случая, чтобы не засвидѣтельствовать — въ поученіе однимъ и для успокоенія другихъ:

— Донцы не мыслятъ своего существованія безъ Россіи.

Для него лично это было «правило вѣры».

* * *

Первый походъ... Генералъ Богаевскій вступаетъ въ ряды Добровольческой арміи. Безъ сомнѣній и колебаній. Командуя полкомъ, потомъ бригадой, онъ проходитъ весь ея страдный путь, отличаясь высокой доблестью, спокойствіемъ и скромностью. Что толкнуло его къ намъ?

> «Я — человѣкъ далеко не воинственнаго характера — писалъ онъ — и только чувство долга и любви къ несчастной Матери-Россіи заставили меня пойти съ тѣми, кто эти чувства ставитъ выше жизни»... (Изъ письма ко мнѣ 10-5-18).

Генералъ Богаевскій — глава правительства Всевеликаго

войска Донского — не переоцѣниваетъ значенія его государственной самостоятельности:

«... Эфэмерныя республики (выростаютъ) какъ грибы послѣ дождя, на развалинахъ родины подъ «высокимъ покровительствомъ» чужеземцевъ, дающихъ подачки одной рукой, а другой готовыхъ каждую минуту всадить ножъ въ спину въ видѣ большевиковъ... И жестокая судьба заставляетъ вести политику при такихъ условіяхъ, когда душа и сердце дрожатъ отъ униженія и обиды»... (Изъ письма къ Х въ Кіевъ).

Генералъ Богаевскій — Донской Атаманъ. Съ лѣта 1919 года идутъ работы конференціи объ организаціи южно-русской власти. Проходятъ мѣсяцы безплодно. И представители главнаго командованія — въ отстаиваніи интересовъ обще-государственныхъ, и казачьи представители — въ стремленіи къ обезпеченію своихъ «вольностей» вносятъ въ переговоры много ригоризма и страстности. «Россійскіе» круги взволнованы слухами, будто на пріемѣ конференціи генералъ Богаевскій произнесъ рѣчь — рѣзко «самостійную»... По этому вопросу онъ писалъ мнѣ:

« ... По слухамъ я обвиненъ въ полной «самостійности»... Подобное обвиненіе глубоко обидно и несправедливо... Смѣю увѣрить Васъ, что ни малѣйшаго намека на «самостійность» Дона я не дѣлалъ; какъ вездѣ и всегда, я подчеркнулъ, что Донъ — вѣрный сынъ Россіи, заслужившій право на вниманіе къ своему желанію сохранить нѣкоторыя особенности своего быта въ будущемъ устройствѣ государства, не мѣшающія единству и величію Россіи. Я сказалъ, что Донъ самъ откажется отъ части своихъ временныхъ суверенныхъ правъ въ пользу будущей государственной власти, но его достоинство и заслуги въ упорной борьбѣ съ большевизмомъ не позволятъ ему принять, какъ подарокъ, признаніе его внутренней автономіи: волею судьбы она есть и будетъ...

Вѣрьте мнѣ, Антонъ Ивановичъ, что во мнѣ Вы имѣете вѣрнаго и преданнаго друга, и, если бы Донъ измѣнилъ Матери-Россіи, я швырнулъ бы атаманскій перначъ въ лицо своему преемнику, который повелъ бы мою родину на самоубійство. А самъ ушелъ бы къ Вамъ хоть рядовымъ въ свой Партизанскій полкъ»... (Изъ письма 2. 10. 19).

* * *

Донской атаманъ и тысячи казаковъ — на чужбинѣ. Идетъ борьба политическихъ теченій и возглавленій. Казачество объединяется въ «Казачій союзъ» и остается въ сторонѣ отъ нихъ... Въ результатѣ:

«... Началась отчаянная травля Объединеннаго Совѣта

и меня въ частности — пишетъ атаманъ. Съ легкой руки ..... я попалъ въ соціалисты, а мои помощники — уже въ прямой (яко бы) связи съ Москвою... Словомъ — потокъ клеветы, который дошелъ уже до утвержденія въ газетѣ....... что мы уже завели сношенія съ Кемаль-пашой и продаемъ туркамъ Кавказъ и Донъ...

... Я неоднократно заявлялъ, что мы готовы идти ...., но насъ хотятъ заставить заявить о томъ, что мы слѣпо и безоговорочно пойдемъ — куда бы и какъ бы насъ не повели: «никакихъ вопросовъ, никакихъ программъ», какъ сказалъ .... (Изъ письма ко мнѣ 20. 3. 24).

Годы шли. Международное положеніе усложнялось до крайности. Положеніе эмиграціи становилось все болѣе тяжкимъ. Мѣнялись «оріентаціи». Нарождались ереси въ завѣтной области національнаго самосознанія. Понятіе о патріотизмѣ искажалось. Вновь послышались голоса могильщиковъ великодержавной Россіи... Но неизмѣнно на собраніяхъ звучалъ спокойный, размѣренный, убѣжденный голосъ:

— Донцы не мыслятъ своего существованія безъ Россіи.

Такъ исповѣдывалъ свою вѣру русскій патріотъ, Донской атаманъ, Африканъ Петровичъ Богаевскій.

А. ДЕНИКИНЪ

Я. П. БОГАЕВСКІЙ

ПАМЯТИ БРАТА

Давно кончились долгіе дни тяжкой болѣзни, столь безропотно переносимыхъ больнымъ, кончились физическія силы въ борьбѣ за жизнь. Послѣдній грустный взглядъ, вздохъ и его не стало... Спокойный, умиротворенный, съ обычной мягкой улыбкой на восковомъ лицѣ, лежалъ онъ на смертномъ одрѣ.

Шли величавыя, торжественно-грустныя панихиды, поклоненія, слезы, возложеніе цвѣтовъ, вѣнковъ....

На третій день горсть донской земли, какъ символъ вѣчнаго общенія съ Россіей, пала на его прахъ и крышка гроба навѣки сокрыла дорогія черты...

Таинственные, мистическіе своды храма на пять дней пріютили его предъ вѣчной сѣнью могилы.

Дальше, исключительно торжественныя похороны и крестъ, холмъ цвѣтовъ и вѣнковъ вѣнчалъ его послѣдній земной удѣлъ. Ушелъ отъ жизни Африканъ Петровичъ сдѣлавъ возможное въ данныхъ ему силахъ, оставивъ въ жизни и дѣятельности на многихъ свѣтлый, неизгладимый слѣдъ. Чѣмъ дальше уходитъ онъ въ вѣчность, тѣмъ яснѣе воскресаютъ въ моей памяти дни его жизни: первое дѣтское сознаніе запечатлѣло образъ брата Африкана среди родныхъ лицъ въ окружающемъ меня прекрасномъ мірѣ. Ласковый, сердечный,онъ былъ кумиромъ семьи, служащихъ, ближайшихъ поселянъ. Кадетомъ на каникулахъ онъ предавался радостямъ дѣтства, юности, которыя предоставляли небогатая, но живописная отцовская усадьба, расположенная у берега задумчивой камышанки Ольховой,съ островками,въ видѣ зеленыхъ букетовъ, съ таинственными заводями, съ плескомъ рыбы по водѣ, съ щебетаньемъ и пѣньемъ пернатыхъ ея обитателей. Старый,запущенный садъ глаголемъ облегавшій усадьбу, съ зелеными гротами, съ ласковымъ шелестомъ листьевъ, съ румяными яблоками, желтыми грушами,сизыми сливами. Купанье, катанье на лодкѣ, пѣнье мелодичныхъ пѣсенъ при лунѣ, костры у купы деревьевъ на берегу заснувшей рѣки.

Волновалъ его просторъ окружающихъ степей, скакалъ онъ на доморощенныхъ Орликахъ, Соколикахъ по ковыльнымъ тогда еще просторамъ, вдыхая пьянящій, медвяный запахъ. Входилъ въ мелочи хозяйства, строилъ модели мельницъ, сельско-хозяйственныхъ машинъ. Съ сверстниками изъ сосѣдняго имѣнія (внука гене-

рала Я. П. Бакланова) сдѣлали маленькій паровичекъ, приводившій лодку въ движеніе. Сколько было радости, когда крохотный пароходикъ съ 4-5 пассажирами совершалъ свой первый рейсъ по дѣвственной, живописной рѣкѣ. Испуганная дичь изумленно смотрѣла изъ камышей, окуни—на хлюпающій крыльями пароходикъ; съ любопытствомъ съ берега поселяне разсматривали хитроумную выдумку.

Особенно радостны были Рождественскіе святки: катанье по льду на конькахъ, съ горъ на санкахъ, въ обстановкѣ волшебнаго убранства деревьевъ, снѣжныхъ ризъ окружающихъ просторовъ, все въ ослѣпительномъ блескѣ на солнцѣ переливалось каскадами искръ изумрудовъ, топазовъ, алмазовъ. Бодрящій, веселящій морозъ. Вечерами жарко пылали печи отцовскаго дома, на дворѣ нерѣдко выла буря злая. Дорогіе лица, ласки матери, дѣтскія игры, увлекательные разсказы отца объ ушедшей чудной были. Было такъ хорошо, уютно, тепло... И налагала патріархальная семья, окружающая дивная красота, гармонія, на чуткую душу брата неизгладимый слѣдъ и былъ онъ до земного конца во власти сказокъ, дѣтства, юности. И ни военная карьера съ ея суровостью, ни война и революція съ ихъ кровавыми ужасами не сгладили душевной мягкости и исканія безсмертной красоты природы и преклоненія домашнему уюту. Между матерью, отцомъ и сыномъ, какъ между братьями и сестрой существовали самыя глубокія родственныя чувства, никогда, ни единой рѣзкости, не проявилъ братъ къ кому-либо изъ насъ.

Рѣже, короче были отпуска изъ Николаевскаго Кавалерійскаго училища, но еще большее очарованіе дарилъ онъ вокругъ насъ. «Нашъ Африкаша, нашъ Африканчикъ!» — было на устахъ всѣхъ. Появленіе его блестящимъ офицеромъ Лейбъ-Гвардіи Атаманскаго полка было сплошнымъ тріумфомъ; онъ пронесся яркимъ метеоромъ въ нашей деревенской жизни. Поѣздка Африкана Петровича въ Устъ-Медвѣдицкій женскій монастырь, гдѣ долгіе годы монашила наша тетка, сестра отца, произвела въ тихой, замкнутой жизни монастыря революцію. Глубокочтимая игуменія Арсенія болѣе сорока лѣтъ мудро правившая обителью проявила исключительное вниманіе Африкану Петровичу. Его скромность, достоинство, изящная и красивая внѣшность очаровала всѣхъ. Онъ былъ, какъ сказочный принцъ, въ зачарованномъ царствѣ. Тетка послѣ писала шутя «что послѣ отъѣзда Африкаши долго суровыя монахини привлекали къ молитвенному подвигу размечтавшихся юныхъ бѣлицъ, черницъ»....

Исключительная привязанность существовала между отцомъ и сыномъ; братъ преклонялся предъ отцомъ, какъ носителемъ воинскихъ доблестей, отецъ видѣлъ въ сынѣ, какъ будущемъ военномъ, воплощеніе своихъ идеаловъ. Въ 1894-мъ году умерла мать. Вся сила сыновьей любви сосредоточилась въ отцѣ.

Отецъ не ошибся въ сынѣ: закончивъ корпусъ и Николаевское Кавалер. училище, пробывъ около трехъ лѣтъ въ Атаманскомъ

полку, Африканъ Петровичъ поступаетъ въ Академію Генеральнаго штаба; со свойственной ему трудоспособностью, временами въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, заканчиваетъ Академію однимъ изъ первыхъ, чѣмъ открываетъ себѣ путь къ высшимъ военнымъ ступенямъ. Въ новыхъ, лучшихъ служебныхъ условіяхъ, въ семейномъ счастіи, въ блескѣ жизни столицы братъ не забываетъ отца, навѣщая его въ деревнѣ, приглашая къ себѣ, часто переписывается, проявляя всегда заботу, любовь, уваженіе.

«Какъ я счастливъ въ дѣтяхъ, особенно въ Африкашѣ!» Много разъ говорилъ отецъ. Въ декабрѣ 1910 года 74-хъ лѣтъ, съ гордымъ сознаніемъ честно исполненнаго долга предъ Россіей и ея императорами, отецъ тихо скончался. Я жилъ съ отцомъ. На данную мною телеграмму Африкану Петровичу о смерти отца, получилъ немедленно отвѣтъ: «ждите, выѣзжаю». Черезъ три дня онъ былъ у праха отца. Похороны были обставлены возможной торжественностью, гробъ несли сыновья и родственники; Африканъ Петровичъ прикрѣпилъ къ крышкѣ гроба шашку и папаху отца и очень сожалѣлъ, что за дальностью разстоянія нельзя было вызвать воинскую часть для отданія почестей отцу, герою Севастополя. Въ дальнѣйшемъ, въ нашей перепискѣ братъ всегда интересовался роднымъ уголкомъ, сохранностью могилъ, сожалѣлъ очень, что за службой не можетъ навѣстить.

Война, революція удлинили срокъ разлуки съ Родиной и могилами. И только въ 1919-мъ году (въ августѣ) Донскимъ атаманомъ объѣзжая Донъ, Африканъ Петровичъ свернулъ съ большой дороги на разоренное отцовское пепелище, пригласилъ священника отслужить на могилахъ родителей панихиду и земно поклонился. Во дворѣ усадьбы ласково побесѣдовалъ съ собравшимися крестьянами, изъ которыхъ многихъ помнилъ съ раннихъ лѣтъ. Этотъ пріѣздъ былъ послѣднимъ «прости» родному гнѣзду и могиламъ.

Въ годы изгнанія рѣдкая наша встрѣча не была посвящена обрывкамъ воспоминаній и всегда Африканъ Петровичъ говорилъ о миломъ прошломъ въ мягкихъ, сердечныхъ тонахъ порой въ добродушномъ юморѣ.

Прикованный болѣзнью къ постели, послѣдніе остатки силъ клалъ братъ на исполненіе своего долга: читалъ множество поступающихъ къ нему писемъ, на многіе отвѣчалъ лично или диктовалъ случайнымъ помощникамъ, старался войти во всѣ детали тяжелой, нервной, временами безсмысленно-жестокой обыденщины.

И уже, безнадежно угасая, въ рѣдкія минуты облегченія отъ мучительнаго недуга, несся Африканъ Петровичъ мыслью къ далекому, прекрасному прошлому, что было отдыхомъ отъ болѣзни, отъ тяжелыхъ переживаній, кои суммировались въ немъ съ момента крушенія Россіи; это было забвеніемъ отъ гнетущаго состоянія, состоянія безсилія предъ моремъ нашего горя, нужды.

Рѣдкая радость была дана отцу въ дѣтяхъ и особенно въ Африканѣ Петровичѣ. На широкую русскую дорогу вышелъ онъ во-

всеоружіи знаній и свѣтлыхъ идеаловъ, но къ сожалѣнію, далеко еще не въ преклонныхъ годахъ, 21 октября 1934-го года, Африканъ отошелъ въ лучшій міръ.

Его отецъ, четверть вѣка спящій вѣчнымъ сномъ въ глухой, безбрежной степи Дона, можетъ быть спокоенъ, — его любимый сынъ сгорѣлъ до конца въ жертвенномъ служеніи России и Дону.

Мартъ, 1935 г. *Ян. БОГАЕВСКІЙ.*

Ген. Е. К. МИЛЛЕРЪ

Судьба столкнула меня съ генераломъ, тогда полковникомъ, Богаевскимъ въ 1910 году, когда я былъ назначенъ Начальникомъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, гдѣ Африканъ Петровичъ преподавалъ тактику. Спокойный, ровный, справедливый, всегда благожелательный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и требовательный, онъ заслужилъ любовь и уваженіе своихъ учениковъ-юнкеровъ и своихъ сослуживцевъ, и искреннюю признательность своихъ начальниковъ.

Скоро наступила война, но мнѣ не пришлось по службѣ встрѣчаться съ ген. Богаевскимъ, ни во время міровой войны, ни въ эпоху гражданской войны. И лишь на чужбинѣ въ 1922 году я свидѣлся съ нимъ въ Болгаріи въ тяжелые дни гнусной дѣятельности Стамбулійскаго.

И здѣсь сказались всѣ тѣ-же цѣнныя черты его характера — спокойствіе, уравновѣшенность, всепоглощающая забота о казакахъ и всегда готовность содѣйствовать во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ частямъ Русской Арміи.

Черезъ годъ мы встрѣтились въ Парижѣ, гдѣ въ это время Великій Князь Николай Николаевичъ возглавилъ Русскую Армію въ изгнаніи и объединилъ въ Своемъ лицѣ многія политическія эмигрантскія организаціи. Прибытію Великаго Князя въ Парижъ предшествовала эпоха наибольшаго разброда русской эмигрантской мысли, только въ 1921-1922 г. г. начавшей выкристаллизовываться; рядомъ съ мощной многочисленной *военной* организаціей — Русской Арміей, вывезенной генераломъ Врангелемъ изъ Крыма, стали образовываться въ эмиграціи политическія партіи, преимущественно преемственно держась названій и программъ дореволюціоннаго времени; частью-же бродили и разнообразныя самостійныя теченія, вызванныя къ жизни и получившія международную санкцію на свое существованіе, благодаря 14-ти пунктамъ Вильсона. Нѣкоторыхъ казаковъ, особенно считавшихъ себя обойденными или недооцѣненными, такое настроеніе тоже коснулось.

Въ этомъ главнѣшемъ принципіальномъ вопросѣ Донской Атаманъ, генералъ Богаевскій, онъ же Предсѣдатель Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека, съ самаго начала нашего существованія въ чужихъ странахъ занялъ твердую позицію: прежде всего Россія; казаки — такіе же русскіе люди и не мыслятъ себя отдѣленными отъ Россіи, увѣренные въ томъ, что никакое *Ру;ское* правительство не покусится на ихъ вѣками сложившій-

ся казачій укладъ жизни въ ихъ войскахъ, областяхъ и станицахъ.

Не разъ возникали вопросы, вызванные тѣми или иными взаимоотношеніями военныхъ и казачьихъ властей на мѣстахъ, и, неизмѣнно спокойный, авторитетный голосъ генерала Богаевскаго искалъ выхода въ самомъ дружественномъ къ Русскому Обще-Воинскому Союзу направленіи и всегда находилъ его.

Сколько мнѣ приходилось за послѣдніе 10-12 лѣтъ съ нимъ бесѣдовать на разныя злободневныя темы, и каждый разъ я отъ него уходилъ съ сознаніемъ, что Россія имѣетъ въ лицѣ казака Богаевскаго, Донского Атамана, вѣрнаго сына, горячо любящаго свою Родину-Мать и тѣсно сочетающаго эти чувства съ глубокой преданностью Тихому Дону.

Благородный, вѣрный другъ, Африканъ Петровичъ! Заботы о казакахъ въ тяжелыхъ, неблагодарныхъ условіяхъ нашего эмигрантскаго существованія ускорили Твою кончину; но знай, что не только Твои Донцы, но и всѣ русскіе люди, знавшіе Тебя, не забудутъ Тебя, и что въ исторіи нашего лихолѣтія Твое имя, какъ Донскаго Атамана, вѣрнаго сына Россіи, займетъ почетное мѣсто!

Генералъ Е. МИЛЛЕРЪ.

Ген. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ

АФРИКАНЪ ПЕТРОВИЧЪ БОГАЕВСКІЙ

(Встрѣчи и служба)

Начало моего знакомства съ А. П. относится къ тому далекому времени, когда А. П. Сотникомъ Л.-Гв. Атаманскаго Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полка состоялъ на дополнительномъ курсѣ Академіи Генеральнаго Штаба. Это было въ 1899 году.

На докладахъ офицеровъ дополнительнаго курса разрѣшалось присутствовать всѣмъ желающимъ, которыхъ, обычно, больше всего находилось среди слушателей младшаго класса Академіи. Въ качествѣ таковою слушателя зашелъ и я, однажды, послушать что и какъ говорится на этихъ докладахъ, какого характера замѣчанія и сужденія высказываются профессорами-оппонентами. Очереднымъ докладчикомъ выступалъ Сотникъ Богаевскій.

Среди развѣшанныхъ на кафедрѣ, художественно исполненныхъ картъ, плановъ и схемъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ началъ изложеніе своей темы Сотникъ Богаевскій. Въ теченіе 45 минутъ размѣренно плавно текла рѣчь докладчика. Присутствующими съ опредѣленною ясностью воспринималось впечатлѣніе серьезной и глубоко продуманной работы. Замѣчанія и заключенія оказались въ полной мѣрѣ благопріятными.

Въ 1900 г. А. П. съ отличіемъ — право на годичную заграничную командировку — кончаетъ Академію и выходитъ на службу по генеральному штабу въ Войска Гвардіи и Петербургскаго воен. округа. Мои съ нимъ встрѣчи носятъ случайный, эпизодическій характеръ, оставляли, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе какой-то особой благожелательности, ощущавшейся и въ ласковомъ привѣтствіи и въ радостной улыбкѣ.

При послѣдующей, затѣмъ, моей службѣ въ Петербургѣ, мнѣ приходилось встрѣчаться съ А. П. время отъ времени, у общихъ знакомыхъ. И здѣсь, въ обществѣ, въ болѣе близкомъ соприкосновеніи, А. П. всегда неизмѣнно проявлялъ то же невозмутимое спокойствіе и благожелательность, какъ и въ начальное съ нимъ знакомство, но тогда это являлось лишь первымъ впечатлѣніемъ, теперь же это опредѣленно закрѣплялось, какъ присущія ему качества.

Въ обществѣ А. П. всегда принималъ самое живое участіе въ бесѣдахъ и высказываемыя имъ мысли и сужденія, обычно, были проникнуты какимъ то особымъ добродушіемъ. Въ возникавшіе, подчасъ, горячіе споры, спокойное благорасположенное въ нихъ участіе А. П. вносило успокоеніе и притушивало разгоравшіяся страсти.

На войнѣ мнѣ одинъ разъ пришлось встрѣтиться съ А. П. — во время второго нашего наступленія въ Вост. Пруссію, въ концѣ сентября 1914 г., въ обстановкѣ далеко не изъ благопріятныхъ. А. П. въ это время былъ Начальникомъ Штаба 2-ой гвард. кав. дивизіи. То же невозмутимое спокойствіе и добродушіе вкладывалось имъ въ рѣшеніе и исполненіе боевой задачи, вызывавшей не мало безпокойства и нервнаго напряженія.

Наконецъ, въ Крыму, назначенный на должность Начальника Войскового Штаба Всевел. Войска Донского, я имѣлъ возможность близко ознакомиться не только съ личными свойствами А. П., какъ человѣка, но и съ его служебными качествами на высокомъ и отвѣтственномъ посту Войскового Донского Атамана.

Въ этотъ исключительно напряженный періодъ борьбы за освобожденіе Родины отъ коммунистической власти А. П. выявлялъ необычайную энергію къ поднятію духа среди донцовъ, потрясенныхъ всѣмъ пережитымъ отъ Дона до Крыма, и къ оказанію всемѣрной поддержки ген. Врангелю, въ то же время изыскивалъ всѣ мѣры къ матеріальному обезпеченію своихъ казаковъ и проявляя исключительное вниманіе къ ихъ служебному положенію. Работая въ тылу, А. П. стремился, при малѣйшей возможности, проѣхать на фронтъ, дабы въ личномъ общеніи съ Командиромъ Донского Корпуса, ген. Ф. Ф. Абрамовымъ, выяснить дѣйствительное положеніе донцовъ, ихъ состояніе и потребности, и непосредственно ихъ видѣть и съ ними поговорить. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ на фронтѣ А. П. подвергся ночному нападенію красной конницы Жлобы и только самоотверженность личныхъ адъютантовъ Донского Атамана, Войск. Ст. Фолимонова и Есаула Войнова, да, отчасти, ночная темнота, спасли А.П. отъ смерти.

Когда же пробилъ часъ оставленія Крыма, А.П. постарался обезпечить возможность всѣмъ донцамъ, которые пожелали бы уйти отъ красныхъ, хотя бы и въ неизвѣстность, оставить Крымъ.

По прибытіи въ Константинополь, назначенный Донскимъ Атаманомъ Начальникомъ Походнаго Штаба, я, въ теченіе двухъ лѣтъ, до расформированія Штаба и перехода на бѣженское положеніе, былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ, какъ А. П. напряженно работалъ въ цѣляхъ наилучшаго устройства донцовъ, оказавшихся за рубежомъ, поддержанія въ ихъ средѣ крѣпкаго единенія, несокрушимой стойкости и непоколебимой вѣры въ неизбѣжное освобожденіе и въ возрожденіе Россіи.

До послѣдняго часа своей жизни А. П. оставался вѣрнымъ сыномъ Великой Россіи и по этому же пути направлялъ и велъ своихъ казаковъ-донцовъ.

Честенъ и вѣренъ былъ Африканъ Петровичъ въ своемъ служеніи Матери-Россіи и Донскому Казачеству, глубоко отзывчивъ и благожелателенъ ко всѣмъ, ищущимъ правды, справедливости и заступничества.

Таковъ былъ Донской Атаманъ Африканъ Петровичъ Богаевскій.

Н. АЛЕКСѢЕВЪ.

Протоіерей Димитрій ТРОИЦКІЙ.

ПАМЯТИ ДОНСКОГО АТАМАНА ГЕНЕРАЛА АФРИКАНА ПЕТРОВИЧА БОГАЕВСКАГО

Со смертью Донского Атамана, генерала А. П. Богаевскаго сошелъ въ могилу не только избранникъ Великаго Дона и вождь казаковъ, но и большой, крупный русскій патріотъ, труженникъ, храбрый казакъ, образованный человѣкъ и удивительный по своимъ внутреннимъ качествамъ православный христіанинъ.

Въ послѣдніе годы его жизни мнѣ близко приходилось соприкасаться съ Африканомъ Петровичемъ: я былъ его духовнымъ отцемъ и я же принялъ послѣднюю исповѣдь умирающаго Атамана и пріобщилъ его Св. Христовыхъ Таинъ.

Біографическія данныя о немъ, свѣдѣнія о прохожденіи имъ службы, его военныя доблести и административныя качества освѣщались уже, при его жизни и по смерти, на страницахъ казачьихъ органовъ, а также въ рѣчахъ на собраніяхъ, посвященныхъ его свѣтлой памяти, во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ есть казаки.

Но не объ этихъ цѣнныхъ качествахъ усопшаго Атамана мнѣ хочется говорить сейчасъ: о нихъ не забудетъ исторія Дона, я желалъ бы лишь въ немногихъ словахъ передать его духовный обликъ, какимъ онъ остался въ моемъ пастырскомъ сердцѣ; тотъ обликъ, какой онъ имѣлъ въ обыкновенной, обыденной жизни, внѣ рамокъ военнаго мундира, внѣ тѣхъ сложныхъ, порою тяжелыхъ заботъ, которыми бываетъ окутана жизнь человѣка на высокомъ административномъ посту.

Африканъ Петровичъ былъ на рѣдкость пріятнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ. Его познанія не ограничивались узкимъ кругомъ военныхъ, спеціальныхъ знаній. Будучи офицеромъ Генеральнаго штаба и слѣдовательно человѣкомъ съ высшимъ образованіемъ, онъ никогда не переставалъ работать надъ собою. Въ мѣткихъ, съ юморомъ сказанныхъ, выраженіяхъ о какихъ либо событіяхъ и встрѣчахъ изъ его личной жизни, онъ умѣлъ разсказать картинно и интересно. Его спокойствіе и тихій тонъ въ разговорахъ — это прямо благодатный даръ ему отъ Господа Бога, которымъ онъ проникалъ въ душу своего собесѣдника и многимъ раздраженнымъ и нервнымъ дѣловымъ посѣтителямъ сообщалъ свое спокойствіе, тишину, а потомъ и утѣшеніе. Поза всегда отсутствовала въ его словахъ и дѣлахъ....

Мало кто знаетъ, вѣроятно, что покойный Атаманъ не уходилъ изъ своего рабочаго кабинета спать до тѣхъ поръ, пока не отвѣтитъ на тѣ многочисленныя письма, которыя ему приходилось получать за день. Особенно трогательно и нѣжно онъ отвѣчалъ казакамъ «одиночкамъ», разбросаннымъ «въ индивидуальномъ» порядкѣ въ далекихъ провинцiяхъ. Эти казаки нерѣдко, за отсутствiемъ точныхъ и правильныхъ информацiй о состоянiи эмигрантской жизни и различныхъ политическихъ событiй на Родинѣ, нерѣдко изливали Атаману свои жертвенныя чувства и порывы послужить Родинѣ, или сбитые съ толку неправильными и даже злостными слухами, сѣтовали и печаловались за свою и обще-изгнанническую судьбу. Вотъ тутъ Атаманъ умѣло разсѣивалъ уныние, страхи, скорби, сообщалъ подлинную правду, какъ бы она жестока къ намъ не была, и находилъ слова утѣшенiя и моральной поддержки своему далекому корреспонденту. Эта работа невидная, некричащая, никому неизвѣстная, но она была для нашего времени настолько полезной и необходимой, что атаманскiя письма спасали многочисленныхъ одиночекъ отъ ложнаго шага, отъ поспѣшныхъ рѣшенiй.

Но мнѣ никогда не забыть дорогого Африкана Петровича за его страданiя и усилiя по созданiю храма и прихода Преподобнаго Серафима Саровскаго въ Парижѣ, на улицѣ Лекурбъ, No 91.

Въ населенномъ русскими, 15-мъ районѣ Парижа, гдѣ жилъ и самъ Атаманъ, не было приходскаго храма и подлинной приходской жизни. Дальность разстоянiя и поѣздка съ пересадками къ богослуженiямъ въ Кафедральный храмъ Парижа, сильно затрудняли регулярное посѣщенiе вѣрующими людьми церковныхъ богослуженiй. И вотъ, когда намѣтились возможности устроить храмъ въ центрѣ 15 района Парижа, покойный Атаманъ принялъ въ этомъ строительствѣ живое участiе. Будучи избранъ въ члены Приходскаго Совѣта, онъ былъ и товарищемъ предсѣдателя его (Предсѣдателемъ по должности является Настоятель). Его авторитетомъ и его личнымъ усердiемъ привлечены были къ этому новому храму вниманiе казаковъ и многихъ казачьихъ организацiй. Много Атаманъ содѣйствовалъ и устройству приходской жизни, развитiю въ ней подлиннаго христанскаго духа; онъ былъ цѣннымъ и авторитетнымъ совѣтникомъ своего приходскаго настоятеля. Будучи уже серьезно больнымъ, Атаманъ не переставалъ посѣщать церковныя богослуженiя.

Припоминается мнѣ его послѣдняя Пасха. Идетъ торжественная пасхальная утреня. Храмъ полонъ молящихся, полонъ и церковный дворъ. И вотъ, при самомъ входѣ во дворъ, скромно, окруженный своей семьею, стоитъ съ пожелтѣвшимъ уже лицомъ покойный Атаманъ, но все его существо сiяетъ радостью, и на мой привѣтственный ему возгласъ: «Христосъ Воскресе», онъ торжественно и задушевно отвѣчаетъ мнѣ: «Воистину Воскресе». А когда я пришелъ къ нему, въ этотъ день, на квартиру, онъ не разъ начиналъ свой разговоръ о казакахъ, разбросанныхъ по свѣту,

о казакахъ, тамъ, на Дону, гдѣ запрещаютъ праздновать Пасху, гдѣ рискованно идти въ храмъ къ Пасхальной заутрени.

Болѣзнь шла своимъ чередомъ, каждый день приближалъ Атамана къ роковому концу. Не только врачамъ, но близкимъ становилось понятнымъ, что дни его сочтены: онъ часто задыхался, припадки участились, но онъ каждый день порывался вставать и работать у письменнаго стола. За это время онъ нѣсколько разъ исповѣдывался и пріобщался Св. Христовыхъ Таинъ; трогательны были эти семейныя молитвы въ кабинетѣ и у постели больного. Надежды на выздоровленіе никогда не покидали его и только за нѣсколько дней до смерти, онъ вдругъ обронилъ при мнѣ такую фразу: «вотъ мнѣ нужно отдохнуть, набраться силъ для созыва обще-казачьяго съѣзда, а теперь я рѣшилъ пригласить генерала Черячукина, чтобы онъ представлялъ меня, гдѣ слѣдуетъ»....

Приближался донской праздникъ. Обычно казаки собирались на молитву въ кафедральномъ соборѣ, на улицѣ Дарю, служили молебенъ, а потомъ въ большомъ помѣщеніи устраивали обѣдъ. Въ этомъ году Атаманъ былъ боленъ и кромѣ того всѣ русскіе держали трауръ по любимомъ ими убіенномъ Королѣ Сербіи Александрѣ I-мъ. А потому рѣшено было ограничиться молебномъ въ храмѣ на ул. Дарю. За нѣсколько дней до праздника я зашелъ съ обычнымъ своимъ пастырскимъ визитомъ къ Атаману, у него я встрѣтилъ В.Ф. Зеелера. Зная какъ тяжело будетъ переживать Атаманъ свое отсутствіе на казачьемъ праздникѣ, какъ трудно будетъ ему въ эти часы лежать въ своей постели, я предложилъ ему отслужить молебенъ у него на дому, въ тѣ самые часы, когда казаки будутъ молиться въ храмѣ на ул. Дарю. Мысль эта понравилась и успокоила Атамана, онъ радъ былъ въ этотъ моментъ въ молитвѣ соединиться со своими родными казаками и радостно сообщалъ объ этомъ моемъ предложеніи семьѣ своей и присутствующему В.Ф. Зеелеру, котораго онъ пригласилъ обязательно придти къ нему въ этотъ день, на этотъ молебенъ. Но, увы! Атаманъ дождался дня своего казачьяго праздника, но не дождался того часа, когда у его постели предполагался молебенъ: рано утромъ Атамана не стало, онъ сомкнулъ глаза и тихо скончался. До начала службы церковной была уже отслужена первая панихида, а собравшіеся на свой праздникъ казаки, съ какой то особенной грустью, склонили свои головы и колѣна, когда возглашалась вѣчная память ихъ Атаману.

Протоіерей Д. ТРОИЦКІЙ.

К. КАКЛЮГИНЪ.

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ ДОНСКОГО АТАМАНА А. П. БОГАЕВСКАГО

21-го октября 1935 г. исполняется годовщина со дня смерти скончавшагося въ Парижѣ Донского Атамана Генералъ-лейтенанта Африкана Петровича Богаевскаго.

Умеръ вождь Донского Казачества.

Умеръ вождь Юго-Восточнаго Казачества, творецъ, руководитель и Предсѣдатель Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека. Умеръ вождь Всероссійскаго Казачества, оффиціально признанный организованнымъ въ Сибири Восточнымъ Казачьимъ Союзомъ Сибирскихъ Казачьихъ Войскъ.

Умеръ большой русскій патріотъ и видный національный дѣятель, мечтавшій о возрожденіи Національной Россіи и стремившійся к ней.

Преждевременную смерть А. П. Богаевскаго оплакиваютъ искренними слезами и всероссійское казачество, понесшее незамѣнимую утрату, и всѣ русскіе люди, чающіе Воскресенія нашей великой Родины.

Ген. А. П. Богаевскій былъ избранъ Войсковымъ Кругомъ Всевеликаго Войска Донского 6 февраля 1919 г. на должность Донского Атамана на 3-хъ лѣтній срокъ.

Послѣ Е. А. Волошинова, А. М. Каледина, А. М. Назарова, П. Н. Краснова — А. П. Богаевскій былъ пятымъ и послѣднимъ выборнымъ Атаманомъ революціоннаго періода Донской исторіи. На основаніи этого избранія А. П. Богаевскому суждено было возглавлять Донское Войско въ теченіе 15-ти лѣтъ и 8½ мѣсяцевъ. Срокъ его выборной службы заканчивался 6-го февраля 1922 г. уже въ эмиграціи. Но отсутствіе Войскового Круга, который могъ бы ему назначить замѣстителя, или переизбрать его на новый срокъ, обязывало его по истеченіи срока оставаться на своемъ посту. Послѣдній выборный Донской Атаманъ волею судебъ превратился въ безсмѣннаго пожизненнаго Атамана.

15 лѣтъ Донская исторія неразрывно связана съ именемъ А. П. Богаевскаго. Много было пережито Донскимъ Войскомъ за этотъ срокъ, пройденъ имъ долгій, славный и страдный путь, путь Голгофы. Кровавыми буквами впишется этотъ тяжкій періодъ времени

въ исторіи Россійскаго Государства, Донского Войска и Всероссійскаго Казачества.

Покойный Атаманъ А. П. Богаевскій всѣ событія времени переживалъ со своимъ Донскимъ Казачествомъ въ тѣсной, непосредственной, интимной связи. Въ одно и то же время онъ и выполнялъ волю казачества, и велъ его, и руководилъ. Казаки всегда чувствовали около себя своего Атамана, его неподдѣльную любовь къ нимъ, его непрестанную заботу о нихъ, его руководство ихъ жизнью. Наканунѣ своей смерти онъ находитъ еще у себя силы, чтобы обратиться къ казакамъ съ привѣтствіемъ по поводу казачьяго праздника 21 - го октября съ пожеланіемъ всѣмъ здоровья и благополучія и со словами утѣшенія:

> «Будемъ твердо вѣрить въ скорое возвращеніе въ наши родные края и въ то, что увидимъ еще свѣтлые и радостные дни».

Въ этомъ и заключается красота и привлекательность его личности. Своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ казакамъ А. П. Богаевскій снискалъ себѣ большую популярность, неподкупную любовь и преданность Донского Казачества, громадный авторитетъ и исключительное на него вліяніе.

Смертью А. П. Богаевскаго заканчивается періодъ революціонной исторіи Донского Казачества подъ заглавіемъ: «Время Донского Атамана А. П. Богаевскаго».

Больше того, смертью его заканчивается цѣлая эпоха всей революціонной исторіи Донского Войска подъ водительствомъ традиціонной казачьей власти въ лицѣ Войскового Круга и выборныхъ войсковыхъ атамановъ.

Дореволюціонное казачество жило слабымъ воспоминаніемъ, но живой мечтой о старомъ казачьемъ народоправствѣ легендарнаго періода своей исторіи.

Будущее казачество должно черпать настроенія, традиціи и идеологію изъ ближайшаго прошлаго своей новѣйшей исторіи, которая 21 октября 1934 г. закрыла свою послѣднюю страницу.

Начало атаманства А. П. Богаевскаго совпало съ памятными бурными событіями первыхъ чиселъ февраля 1919 г., которыя привели къ избранію А. П. Богаевскаго Донскимъ Атаманомъ и наложили свою печать на направленіе будущей внутренней и внѣшней политики Дона. Съ оставленіемъ нѣмцами Донской территоріи, съ приходомъ союзниковъ и съ провозглашеніемъ единаго командованія вооруженными силами Юга Россіи въ лицѣ ген. Деникина — наступила на Дону новая политическая конъюнктура, вызвавшая смѣну стараго режима. Донъ перестраивался, становился на новыя рельсы. Творцы и представители стараго режима сходили съ исторической сцены.

Установленный Войсковымъ Кругомъ новый курсъ строился на слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Продолженіе борьбы за освобожденіе Россіи и родного Края.

2. Вѣрность союзникамъ.

3. Вѣрность принципу единаго командованія вооруженными силами Юга Россіи въ лицѣ ген. Деникина.

4. Вѣрность казачеству и началамъ казачьяго народоправства.

Войсковой Кругъ взялъ на себя иниціативу внутренней и внѣшней политики Дона.

Эту новую программу пришлось осуществлять новому Донскому Атаману ген. А. П. Богаевскому. Его политическія убѣжденія и прошлая дѣятельность наиболѣе отвѣчали новой программѣ: А. П. Богаевскій всегда придерживался союзнической оріентаціи. (За время атаманства ген. Краснова онъ, какъ предсѣдатель Донского Правительства вызвалъ протестъ майора фонъ Кохенгаузенъ за то, что въ одной своей рѣчи на Войсковомъ Кругѣ высказалъ сомнѣніе въ окончательной побѣдѣ нѣмцевъ и выразилъ увѣренность въ близкомъ осуществленіи союзническаго восточнаго фронта. Майоръ фонъ Кохенгаузенъ пригрозилъ принять противъ А. П. Богаевскаго «свои мѣры» и донести о его поведеніи высшему командованію).

Съ Добровольческой арміей А. П. Богаевскій былъ тѣсно связанъ, какъ участникъ ледяного похода.

Наконецъ, А. П. Богаевскій неизмѣнно проявлялъ приверженность идеѣ казачьяго народоправства.

Выбраннаго Донскимъ Атаманомъ ген. А. П. Богаевскаго привѣтствуетъ Предсѣдатель Войскового Круга В. А. Харламовъ торжественной рѣчью, въ которой подчеркивается верховенство Войскового Круга и дается наказъ Войскового Круга своему избраннику:

> «Твердо держать перначъ въ своихъ рукахъ, по совѣсти охранять и оберегать честь Всевеликаго Войска Донского, вѣрно хранить традиціи и стойко защищать права и вольности казачьи, руководствоваться исключительно благомъ государственнымъ, управлять на основаніи права и справедливости. Идея народоправства, положенная въ основу государственнаго устройства Дона, полностью во всемъ объемѣ должна быть примѣнена. Донской Атаманъ долженъ быть грознымъ для враговъ права и законности и полнымъ достоинства по отношенію ко всѣмъ гражданамъ Войска Донского. Въ дѣлѣ защиты Края Донской Атаманъ и Войсковой Кругъ сдѣлаютъ все, чтобы достояніе Всевеликаго Войска Донского было ограждено и обережено».

Донской Атаманъ А. П. Богаевскій, отвѣчая на привѣтствіе и напутствіе предсѣдателя Войскового Круга В. А. Харламова, даетъ торжественную клятву:

> «Я — искренній сторонникъ народоправства. Я сочувствую вполнѣ установившемуся государственному строю

во Всевеликомъ Войскѣ Донскомъ. Я буду поддерживать этотъ строй. Я буду строгимъ исполнителемъ того, что рѣшитъ Войсковой Кругъ и что выразитъ народная воля».

И дѣйствительно, установленные Войсковымъ Кругомъ принципы новой политики, наказъ Войскового Круга, выраженный въ рѣчи его предсѣдателя, и торжественная клятва легли въ основу политической дѣятельности А. П. Богаевскаго. Онъ неизмѣнно и добросовѣстно осуществлялъ ихъ въ жизни за все время вооруженной борьбы.

Но вотъ окончилась гражданская война отступленіемъ въ Зарубежье. Казачество подвело итоги своей вооруженной борьбы съ большевиками, подсчитало свои безпримѣрныя жертвы, которыя оно понесло, какъ ни одна часть русскаго народа. Начинается новый періодъ эмигрантской жизни казачества.

Измѣнилась обстановка. Пересматривается и измѣняется политическая программа казачества въ связи съ итогами пережитаго опыта.

Нѣтъ больше «союзниковъ», не стало «единаго командованія». Но осталась «Россія», порабощенная совѣтской властью. Осталось «казачество», стонущее подъ игомъ совѣтовъ. Для Донского Атамана А. П. Богаевскаго остается въ силѣ приказъ Войска Донского «продолжать борьбу за освобожденіе Россіи и Родного Края» и «вѣрность казачеству и началамъ казачьяго народоправства». Для него остается въ силѣ и наказъ Войскового Круга: «охранять и оберегать честь казачью, хранить традиціи, защищать права и вольности, ограждать и сберегать достояніе Войска» и данная Войсковому Кругу клятва вѣрности Войску Донскому.

«Россія» и «казачество» — эти два понятія въ представленіи А. П. Богаевскаго связывались неразрывной логической связью, сплетались и сливались въ одно цѣлое, въ логическое кольцо: внѣ свободной Россіи нѣтъ вольнаго и сильнаго казачества; безъ вольнаго и сильнаго казачества нѣтъ свободной и сильной Россіи. Такъ думая и говорилъ славный донской баянъ М. П. Богаевскій, братъ Донского Атамана. А. П. Богаевскому суждено было служить Россіи черезъ казачество. Данная имъ при вступленіи въ атаманскую должность клятва оказалась Ганнибаловой клятвой, которой онъ остался вѣрнымъ до конца дней своихъ. Исполненіе этой клятвы дало содержаніе всей его жизни и направленіе всей его дѣятельности. Все, что предпринималъ А. П. Богаевскій въ эмиграціи, было окрашено однимъ чувствомъ, однимъ лозунгомъ: «Россія» и Казачество». Много было сдѣлано за это время А. П. Богаевскимъ: Онъ, какъ иниціаторъ вдохновитель и организаторъ съ Атаманами и предсѣдателями правительствъ Кубанскаго и Терскаго Войска объединилъ Юго-Восточное казачество, созвавши 1-го января 1921 г. въ Константинополѣ Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека. Въ 1923 году образовался въ Харбинѣ Восточный Союзъ Сибирскихъ Казачьихъ Войскъ, который призналъ Объе-

диненный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека высшимъ казачьимъ органомъ, стоящимъ на стражѣ интересовъ Россіи и казачества.

Со времени организаціи своего представительнаго органа Юго-восточное казачество должно принимать непосредственное участіе во всемъ, что касается дѣла борьбы за Россію и ея освобожденія и возстановленія и должно взять распоряженіе судьбами казачества въ собственныя руки, а не передавать безговорочно и безпрекословно свои силы и средства чуждой казачеству власти.

Затѣмъ А. П. Богаевскій организовалъ Комитетъ Экономическаго возрожденія Юго-Востока Россіи, произведшій цѣнную работу по изученію Края, онъ образовалъ «Донскую Историческую Комиссію», собравшую матеріалы революціоннаго періода Донской исторіи и издавшую нѣсколько цѣнныхъ историческихъ книгъ, онъ издавалъ популярный среди казачества журналъ «Казачьи Думы», онъ объединялъ казачью общественность, организуя «Казачій Союзъ» и пр. Дѣятельность А. П. Богаевскаго въ эмиграціи, какъ и на Родинѣ, должна быть изслѣдована и изучена особо и въ подробности.

Здѣсь вкратцѣ отмѣчу, что дѣятельность А. П. Богаевскаго въ эмиграціи протекала въ тяжкихъ условіяхъ и доставляла ему много огорченій. Онъ остался вѣрнымъ исполнителемъ казачьей воли, точнымъ выразителемъ казачьихъ традицій и чаяній, надежнымъ хранителемъ правъ и вольностей казачьихъ, безспорнымъ символомъ казачьяго единства и цѣльности и твердо держалъ перначъ въ своихъ рукахъ, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво отъ казачьяго курса. Между тѣмъ въ казачествѣ не все было благополучно. Въ зарубежьи казачество первое время сохраняло свое единство и цѣльность, такъ ярко имъ проявленныя за время вооруженной борьбы съ большевиками, и объединялось вокругъ своего Атамана. Но затѣмъ началось шатаніе и разбродъ. Казачество заболѣло эмигрантской наносной болѣзнью — партійностью. Появились правые и лѣвые казаки, монархисты и республиканцы,съ присущими этимъ направленіямъ оттѣнками,и самостійники. И,естественно, между партійными казаками и Донскимъ Атаманомъ, исповѣдующимъ надпартійную общеказачью программу, наступило расхожденіе и даже борьба, поведшія за собою разрывъ той моральной связи, которая существовала между казаками и Атаманомъ. Атаманская власть въ Зарубежьи превратилась въ такъ называемое «nudum ius». Она утратила всѣ свои правовые аттрибуты и главный изъ нихъ — силу принужденія. Она претворилась въ символъ казачьяго представительства,казачьяго единства и цѣльности. Безъ реальнаго правового содержанія она создавала между Атаманомъ и казаками только моральныя взаимоотношенія и покоилась на доброй волѣ казаковъ. Всякая партійная критика дѣйствій Донского Атамана и его личности со стороны оппозиціи рвала эти моральныя правоотношенія и создавала пропасть между казаками и Атаманомъ. А Атаманская власть при такихъ условіяхъ обращалась въ тяжкое бремя. Отъ этой власти, ставшей волею судебъ по-

стоянной и пожизненной, нельзя было отречься, ибо некому было возвратить своихъ полномочій, некому было передать своихъ правъ. Власть безъ правъ, свойственныхъ всякой реальной власти, но съ обязанностями и отвѣтственностью, присущими всякой реальной власти.

Въ политической партійности казаковъ А. П. Богаевскій видѣлъ нездоровую накипь, большое зло, которое распыляетъ, разъединяетъ и ослабляетъ казачество, разрушаетъ его единство и обезглавливаетъ его и когда? Когда передъ казачествомъ стоятъ грандіозныя задачи — продолженіе борьбы за освобожденіе Россіи и родныхъ краевъ и за право существованія казачества, уничтоженнаго въ Россіи большевиками — требующія отъ казачества и единодушія и напряженія всѣхъ силъ. Отстоять право на жизнь можетъ только само казачество. Если оно этого не сдѣлаетъ, никто другой сдѣлать этого не сможетъ и не захочетъ. Но для этого казачество должно представлять изъ себя единство и силу, съ которой будутъ считаться. А чтобы быть сильнымъ, нужно прежде всего сплотиться, сорганизоваться, имѣть твердую волю жить и бороться за свои права, а не разсыпаться по политическимъ партіямъ.

Въ этомъ смыслѣ знаменательнымъ представляется обращеніе Донского Атамана А. П. Богаевскаго отъ имени Дона, Кубани и Терека къ казакамъ отъ 7 августа 1924 года, которое и нынѣ звучитъ грозно, какъ набатъ, и торжественно, какъ великій завѣтъ казачеству:

«Тяжелыя мрачныя тучи сгустились надъ вольнымъ казачествомъ въ совѣтской Россіи. Казаки на родинѣ тщетно бьются въ мучительныхъ условіяхъ стать на ноги — мертвая хватка коммуны душитъ всѣ живые ростки. Отъ имени Донского, Кубанскаго и Терскаго Войсковыхъ Атамановъ, избранниковъ казачества, заявляю: Казачество въ опасности. Опасность нависла надъ самимъ существованіемъ его. На всѣхъ насъ лежитъ священный долгъ сохранить завѣты казачества, бережно, какъ святыню, донести ихъ до лучшихъ дней и обезпечить дальнѣйшее существованіе казачества.

«Казачество несмотря ни на что должно существовать.

«Многіе казаки разбрелись по общероссійскимъ партіямъ и, дѣйствуя имъ въ угоду, забыли то, о чемъ каждый казакъ не имѣетъ права забывать ни на минуту... Идетъ агитація противъ выборныхъ Атамановъ, пытаются разрушить то, что является символомъ казачьяго единства. Довольно! Казачество должно рѣшительно остановить тѣхъ, кто, увлекшись партійными цѣлями, забылъ о чести казака и сдѣлалъ его предметомъ насмѣшекъ. Казаки переживаютъ слишкомъ тяжелое время... У казака въ настоящее время должна быть одна партія — казачья. Мы должны объединиться, крѣпко сплотиться и быть готовыми дать отпоръ всякому покушенію на наше единство. Казачество не сказало еще своего послѣдняго слова и ему еще рано рыть могилу какъ здѣсь за границей, такъ и въ несчастной Россіи, нашей великой Родинѣ».

Казачество должно гордиться: избранные имъ его вожди аз время революціи и гражданской борьбы отличались не только великимъ патріотизмомъ, государственной мудростью, опытомъ и талантами, но и были блестящимъ олицетвореніемъ казачьей доблести и лучшими образцами преданности идеаламъ казачества. Пусть же приведенныя выше слова А. П. Богаевскаго служатъ казакамъ призывомъ къ исполненію ихъ долга передъ Родиной Россіей и казачьями краями и военнымъ кличемъ: «готовься». А. П. Богаевскій зоветъ казачество идти туда, куда его звалъ и славный ген. А. М. Калединъ: «не сходить съ историческаго пути служенія Родинѣ съ оружіемъ въ рукахъ на поляхъ битвъ и внутри въ борьбѣ съ измѣной и предательствомъ».

25. VIII. 1935 г.

Скопле. *К. КАКЛЮГИНЪ.*

Марія ВОЛКОВА

ЧУТКАЯ ДУША

Полковнику Т. жилось матеріально очень тяжело. Всѣмъ извѣстно, что въ гвардейскихъ полкахъ могли служить только люди состоятельные, а такъ какъ Т. къ ихъ числу не принадлежалъ, то и не зналъ часто, какъ свести концы съ концами. Въ полученіи жалованія сплошь и рядомъ приходилось только расписываться, иныхъ же источниковъ дохода не было. Страннымъ могло показаться, почему этотъ офицеръ не переходилъ въ какой-нибудь изъ полковъ родного Войска, а упорно оставался въ Гвардіи. Однако-жъ,дѣло было въ томъ, что Т. былъ по глубочайшему внутреннему убѣжденію «слугой Престола», и притомъ, самымъ безкорыстнымъ и преданнымъ. Близость къ особѣ Государя, постоянная возможность видѣть его, жертвенная готовность въ любой моментъ положить за него жизнь или оградить отъ опасности покушенія, — вотъ что являлось въ глазахъ полковника Т. настолько важнымъ, что перевѣшивало совершенно личныя его весьма запутанныя обстоятельства. А задумываться приходилось часто. Семья была большая: жена и четверо дѣтей, и хоть и старались они гдѣ только возможно урѣзать себя въ домашней жизни, однако-жъ, положеніе гвардейскаго офицера обязывало ко многому, и дѣла шли годъ отъ году все хуже.

Началась Великая война. Наша Гвардія очутилась на поляхъ Восточной Пруссіи и много славныхъ страницъ вписала въ свою исторію. Смѣнилъ свою придворную парадную службу на тяжелую боевую и Лейбъ-Гвардіи Сводно-Казачій полкъ.

Полковникъ Т. съ маленькими перерывами два года провелъ на фронтѣ. Участвовалъ во всѣхъ бояхъ, дѣлилъ съ казаками всѣ невзгоды походной жизни, а если нужно было отважиться на что-нибудь рискованное — былъ впереди. Но по всегдашней скромности онъ совершенно не умѣлъ подчеркнуть, когда нужно, свои заслуги, такъ что при составленіи реляцій, о немъ всѣ какъ-то забывали... Многіе изъ его младшихъ сослуживцевъ получили назначенія командирами полковъ, а до него все почему-то не доходила очередь. Т. никогда карьеристомъ не былъ, но въ послѣднее время сталъ мечтать о томъ, чтобы получить полкъ: это была единственная возможность распутать ту петлю въ видѣ долговъ и ломбардныхъ квитанцій, которая все плотнѣе затягивала ему шею.

Ко всѣмъ бѣдамъ присоединилась еще и болѣзнь. Послѣ одной разведки, когда ему цѣлую ночь пришлось пролежать въ ро-

систой травѣ, Т. слегъ не на шутку, заболѣвъ воспаленіемъ легкихъ, за которымъ послѣдовалъ плевритъ. Очень ослабѣвшимъ Т. вернулся въ полкъ, который какъ разъ къ тому времени принялъ полковникъ А. П. Богаевскій.

Опять пошла та же страдная фронтовая жизнь, только подъ водительствомъ новаго начальника. Африканъ Петровичъ Богаевскій сразу завоевалъ всѣ симпатіи: въ полку всѣ — отъ офицера до послѣдняго казака, — считали его образцомъ «отца-командира».

Присмотрѣвшись къ офицерамъ, справедливый и безпристрастный А. П. Богаевскій сразу отмѣтилъ въ полковникѣ Т безукоризненное отношеніе къ службѣ и идеальное стремленіе быть примѣромъ для подчиненныхъ всегда и во всемъ, вплоть до ношенія той же самой одежды, что и казаки, хотя его ослабленный болѣзнью организмъ уже плохо переносилъ такой спартанскій режимъ. —Дальше отъ новаго командира не укрылась вѣчная озабоченность Т., и онъ скоро узналъ о ея причинѣ. И то, о чемъ по своей самолюбивой замкнутости полковникъ Т. никогда никому не говорилъ, ту боль по поводу всегдашней своей обойденности, которая все больше и больше разъѣдала ему сердце, — понялъ безъ словъ чуткой и отзывчивой душой Африканъ Петровичъ. Понялъ и постарался загладить обиду, причиненную не имъ... При первой же возможности Африканъ Петровичъ представилъ полковника Т. къ командованію полкомъ. Вакансія была, но Т. не посчастливилось по обыкновенію: назначенъ былъ кто-то другой. Черезъ нѣсколько времени полковникъ Богаевскій настойчиво возобновилъ свое ходатайство.

А между тѣмъ расшатанное здоровье Т. окончательно сдало. Онъ вторично заболѣлъ плевритомъ, былъ отправленъ въ Павловскъ, на мѣсто мирной стоянки полка, но поправиться ему уже не было суждено. Туберкулезъ легкихъ и горла явился неотъемлемой наградой за всѣ боевые труды и лишенія. Больного повезли на зиму въ Ялту. Но крымскимъ воздухомъ онъ подышалъ всего съ мѣсяцъ, такъ какъ болѣзнь приняла головокружительно-быстрый оборотъ.

А командиръ полка, зная, какъ трудно лечиться обремененному семьей и долгами человѣку, не оставлялъ своихъ стараній. во что бы-то ни стало провести Т. на должность командира полка. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, и А. П. Богаевскій послалъ въ Ялту — для проформы — офиціальный запросъ, согласенъ ли полковникъ Т. принять въ командованіе N. полкъ. Но щепетильно-честный и неспособный ни на какіе компромиссы со своими внутренними убѣжденіями Т. отвѣтилъ, что въ виду своей болѣзни онъ не способенъ командовать полкомъ...

Казалось бы, А. П. Богаевскимъ все сдѣлано: онъ добился того, что его представленіе было принято, онъ послалъ запросъ командиру, и не его вина, что тотъ отвѣтилъ отказомъ. Другой командиръ считалъ бы вопросъ исчерпаннымъ и свою миссію оконченной. Но не таковъ былъ полковникъ Богаевскій. Онъ узналъ,

что дни дѣйствительно сочтены, и въ его гуманномъ сердцѣ не могло успокоиться чувство глубокаго сожалѣнія и состраданія къ семьѣ, которая не сегодня-завтра останется безъ главы и безъ всякихъ средствъ къ жизни. Ибо пенсія по послѣдней должности была бы очень скромная, а расходы по болѣзни Т. вмѣстѣ съ прежними долгами составятъ такую сумму, что вдова годами принуждена будетъ, погашая эти долги, влачить страшно бѣдственное существованіе. И вотъ, Африканъ Петровичъ не раздумывая и не колеблясь, не оглашаетъ отказа Т. отъ полка, а вторично проситъ о назначеніи. Назначеніе состоялось.

Обрадованный Африканъ Петровичъ спѣшитъ сообщить пріятную новость въ Ялту. Но телеграмма зе застаетъ уже новаго командира въ живыхъ. Бываетъ ужъ такая иронія судьбы!

Т. не стало. Тѣло перевезли въ милый сердцу покойнаго Павловскъ. Могила тонула въ вѣнкахъ, изъ которыхъ самымъ внушительнымъ и роскошнымъ былъ присланный командиромъ полка и офицерами-сослуживцами.

Въ церкви послѣ отпѣванія одинъ изъ младшихъ сыновей покойнаго сообщилъ гордымъ лепетомъ знакомымъ «тетямъ» о томъ, что теперь его папа — командиръ полка! Горько было это слышать, грустно размышлять о несправедливости человѣческаго жребія...

Вдова полковника Т. стала получать пенсію «по послѣдней должности» мужа, т. е. — командирской. Правда, недолго она ею пользовалась — всего нѣсколько мѣсяцевъ, до революціи, — но это ужъ — вина исторіи, да и для настоящаго очерка неважно.

Разсказывая о жизни полковника Т., человѣка мнѣ хорошо извѣстнаго, я хотѣла лишь указать на роль въ ней, точнѣе въ послѣдній ея періодъ, Африкана Петровича Богаевскаго. Ему удалось смягчить ту горечь, что накопилась въ сердцѣ офицера, къ которому и судьба и люди постоянно были несправедливы, ему удалось озарить лучами сочувствія и доброты послѣдніе дни умирающаго и согрѣть своей заботой осиротѣвшую семью...

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, а еще больше промчалось событій. Закрыта для насъ Родина. Труденъ эмигрантскій путь. Благо тѣмъ, кто, какъ покойный Атаманъ Богаевскій, идетъ этимъ путемъ прямо, съ гордо поднятой головой, облегчая невзгоды другимъ, гдѣ только можно! Но Атамана нѣтъ больше на свѣтѣ. Полная, чистая, жертвенная жизнь изжита и кончена... Только дѣла его живутъ дольше среди осиротѣвшаго казачества, возстанавливая образъ почившаго. Пусть же и мое повѣствованіе будетъ лишнимъ штрихомъ къ этому свѣтлому, кристальному образу!

М. ВОЛКОВА

24. III. 1935 г.

НАВѢКИ УШЕДШЕМУ

Какъ счастливъ тотъ, кто путь пройдя тяжелый
Нигдѣ, ни въ чемъ себѣ не измѣнялъ,
Въ комъ злая жизнь души не расколола,
Не помрачила вѣчный идеалъ!

Какъ счастливъ тотъ, кто въ скудости безмѣрной
Умѣлъ давать рукою богача,
Чей голосъ твердъ, чье слово было вѣрно,
А преданность Россіи горяча!

Какъ счастливъ тотъ, кто начертавъ открыто
На знамени: Честь, Родина и Долгъ
Звалъ стойкихъ за собой, бодрилъ судьбой забитыхъ,
Стучалъ, будилъ... доколѣ не умолкъ!

Мы всѣ идемъ къ Великому Обрыву:
Что дальше шагъ — то ближе страшный часъ.
Но тотъ блаженъ, кто прожилъ жизнь красиво
И въ комъ огонь до смерти не угасъ.

Какъ бренно все и какъ непостоянно!
Скитаній дни сотрутся безъ слѣда...
Пройцемъ и мы... Но образъ Атамана
Переживетъ тяжелые года!

МАРІЯ ВОЛКОВА

25. III. 1935.

Д-ръ И. С. ЧЕКУНОВЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ АФРИКАНА ПЕТРОВИЧА

Уже со средины 1933 года здоровье Донского Атамана стало ухудшаться, — обычно бодрый и энергичный, Африканъ Петровичъ сталъ чувствовать временами утомленія и слабость; болѣзнь развивалась медленно, но неуклонно и Африканъ Петровичъ употреблялъ много усилій, чтобы побороть нароставшую слабость. Къ сожалѣнію Африканъ Петровичъ заболѣлъ такой болѣзнью — склерозомъ сосудовъ, особенно поразившимъ сердце и почки, — которая обычно развивается медленно, и постепенно подтачивая силы съ теченіемъ времени принуждаетъ больного слечь въ постель. Какъ ни боролся со своей слабостью Африканъ Петровичъ, но въ августѣ онъ вынужденъ былъ окончательно слечь въ постель.

Несмотря на энергичное леченіе, проводимое по указанію ряда консиліумовъ, силы Африкана Петровича все болѣе и болѣе слабѣли, стали появляться сначала легкіе припадки уреміи, а потомъ все сильнѣе; сердце съ каждымъ днемъ все болѣе болѣе слабѣло и, наконецъ, утромъ 21 октября во время припадка уреміи Африканъ Петровичъ скончался.

Посѣщая часто Атамана, а въ послѣднее время почти ежедневно, я имѣлъ возможность поближе присмотрѣться къ Африкану Петровичу: Африканъ Петровичъ удивительно терпѣливо и крѣпко переносилъ свои страданія. Намъ, врачамъ, очень часто приходится имѣть дѣло съ разнаго сорта болѣзнями, — часто приходится встрѣчаться съ крайне нетерпѣливыми, вѣчно жалующимися и всѣмъ недовольными больными даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ серьезнаго заболѣванія; бываетъ и другой сортъ больныхъ болѣе или менѣе терпѣливо относящихся къ своей болѣзни, но Африканъ Петровичъ былъ какимъ то особеннымъ исключеніемъ среди больныхъ: онъ удивительно терпѣливо и крѣпко переносилъ свои страданія и все боялся причинить кому бы то ни было малѣйшее безпокойство или затрудненіе; и здѣсь во время его болѣзни сказался его характеръ всегда деликатный и доброжелательный къ другимъ; такое благожелательное отношеніе къ другимъ не покидало Африкана Петровича до самой его смерти, несмотря на страданія послѣднихъ недѣль.

Силы Африкана Петровича постепенно гасли, онъ шелъ явно къ смерти и могъ бы умереть сравнительно тихо и спокойно, но къ сожалѣнію его послѣдніе дни были омрачены нѣкоторыми раз-

ногласіями съ одной казачьей организаціей; въ то время когда болѣзнь Африкана Петровича уже ясно опредѣлилась и когда уже было такъ очевидно, ч то онъ доживаетъ свои послѣдніе дни, его противники не оставляли его въ покоѣ и усугубляли его страданія нападками въ печати; вотъ къ этимъ нападкамъ Африканъ Петровичъ относился крайне чувствительно, онъ переживалъ ихъ крайне тяжело; онъ самъ будучи мягкимъ человѣкомъ, никакъ не могъ примириться съ такимъ къ нему отношеніемъ, особенно когда ему было такъ тяжело изъ-за болѣзни и когда онъ не могъ дать настоящаго отвѣта по существу. Какъ часто мнѣ приходилось заставать его по утрамъ крайне измученнымъ полученіемъ какого-нибудь непріятнаго письма или появленіемъ новыхъ нападокъ въ печати;въ такихъ случаяхъ въ теченіи цѣлаго ряда ночей Африканъ Петровичъ не спалъ и переживалъ жестокія нравственныя, помимо своихъ физическихъ, страданія, — въ подобныхъ случаяхъ обычно мучившая его одышка еще болѣе усиливалась и силы его рѣзко падали...

Часто по ночамъ, когда еще были кое-какія силы, Африканъ Петровичъ не спалъ, и готовилъ матеріалъ къ предстоящему Обще-Казачьему Съѣзду; объ этомъ съѣздѣ онъ любилъ говорить, на него онъ возлагалъ надежды, объ этомъ съѣздѣ онъ просто мечталъ какъ о чемъ-то такомъ, гдѣ онъ сможетъ, наконецъ, сказать все, что его такъ мучило и дать отвѣтъ его противникамъ; къ сожалѣнію его горячей мечтѣ не суждено было осуществиться.

Въ этой маленькой статьѣ, посвященной свѣтлой памяти «Атамана-Рыцаря», какъ его неоднократно характеризовали въ рѣчахъ послѣ его смерти, я совсѣмъ далекъ отъ мысли какимъ бы то ни было образомъ поднимать споры о томъ, кто былъ правъ. Я не политикъ, политикой не занимаюсь совсѣмъ, но какъ врачъ, все время бывшій при Атаманѣ во время его болѣзни не могу умолчать о томъ какъ себя чувствовалъ Атаманъ въ послѣдніе свои дни, а чувствовалъ онъ себя плохо не столько отъ болѣзни, сколько отъ тѣхъ нравственныхъ мукъ, какія ему приходилось переживать въ связи съ кампаніей, поднятой противъ него въ печати.

Похороны Атамана, столь торжественные и грандіозные, показали чѣмъ въ дѣйствительности былъ Атаманъ Богаевскій, но къ сожалѣнію самъ то онъ во время своей болѣзни тяжко страдалъ и умеръ съ горькимъ чувствомъ невозможности дать отвѣтъ своимъ противникамъ.

Д-ръ И. С. ЧЕКУНОВЪ

Казакъ Раздорской на Дону станицы

ДАРЖА НИМБУШОВЪ.

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ

(Переводъ съ калмыцкаго языка)

Мнѣ предложено написать статью — воспоминаніе о покойномъ Донскомъ Атаманѣ А. П. Богавевскомъ. Но что могу написать о немъ я, буддійский монахъ, жившій далеко отъ политическихъ событій тѣхъ временъ въ своемъ родномъ Хуруле (монастырѣ) Ново-Алексѣевской станицы, а покойный какъ разъ и былъ руководителемъ этихъ событій?

Въ тѣ бурные годы, когда фамилію Богаевскихъ такъ быстро прославилъ «Донской Баянъ» Митрофанъ Петровичъ, своими чудно-красивыми пѣснями такъ ярко воскресившій картину славнаго и прекраснаго прошлаго Дона, его благородныя традиціи, своими жгуче-пламенными призывами въ сердцахъ казаковъ оживившій былой казачій духъ свободы и независимости, — въ эти годы мы, буддійскіе монахи, въ своихъ тихихъ хурулахъ, раскинутыхъ по Сальской степи, еще болѣе усердно молились Всевышнему, еще болѣе чаще перебирали свои четки, прося объ успокоеніи Тихаго Дона, объ избавленіи его отъ захлестывающихъ его мутныхъ волнъ русской революціи.

Естественно, у меня частыхъ встрѣчъ съ покойнымъ Атаманомъ Богаевскимъ быть не могло, но все же я съ нимъ встрѣчался и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ. Только объ этихъ своихъ съ нимъ встрѣчахъ я и могу написать, совершенно не касаясь его дѣятельности.

Я никогда ничего для печати не писалъ, всегда сознательно держался въ сторонѣ отъ мірскихъ дѣлъ, всецѣло посвятивъ всего себя религіи, своимъ молитвамъ. Уступая просьбѣ редакціи и желая почтить память покойнаго Атамана, къ намъ, калмыкамъ, хорошо относившагося, я согласился написать нѣсколько строкъ объ этихъ своихъ встрѣчахъ съ нимъ.

Было то въ смутное время всеобщаго развала, когда человѣкъ человѣку подлинно становился волкомъ, когда жестокость природы не съ особеннымъ успѣхомъ конкурировала съ жестокостью людской.

Уже давно завялъ пышный букетъ Россійской революціи, давно замолкъ россійскій «главноуговариватель» и, какъ острили злые языки тогда, въ неприличествующемъ ему одѣяніи удалился въ не-русскія мѣста, болѣе спокойные. Восходила «звѣзда» же-

стокаго звѣря въ образѣ человѣка, Ленина съ «созвѣздіемъ» — Троцкимъ. Взбалмученное русское море начинало захлестывать своими страшными волнами всѣ свѣтлые, спокойные не-русскіе островки.

Донъ, мужественно отстаивавшій свою свободу, свои законы и традиціи, былъ захлестнутъ этой волной. Подкупающей силѣ соблазнительно-красивыхъ, но лживыхъ словъ Ленина-Троцкаго о свободѣ и равенствѣ, о мирѣ всего міра поддались казаки, уставшіе отъ 4-хъ лѣтней Міровой войны, не послушались своего великаго Атамана. Не выдержавъ такого позора въ златоглавомъ Новочеркасскѣ застрѣлился честнѣйшій и благороднѣйшій сынъ Дона — А. М. Калединъ. Эхо отъ его рокового выстрѣла пронеслось по всему Дону, повергнувъ все Казачество въ глубокое уныніе.

Разлагающая пропаганда помутила казачье сознаніе, большевистскія жестокости сковали волю. Печаль и уныніе воцарились въ природѣ и въ людяхъ. Только отрывочные слухи доходили до насъ, что Донъ еще не окончательно сдался, что его Знамя не свернуто, а унесено въ Задонскія степи Походнымъ Атаманомъ Поповымъ съ горсточкой храбрецовъ-подвижниковъ.

Замолкла станица. Еще тише стало въ нашемъ хуторѣ, пестрымъ букетомъ выдѣлявшемся на безкрайнемъ степномъ полотнѣ. Всюду установилась совѣтская власть. Вчерашніе калмыцкіе пастухи изъ русскихъ «ваньковъ» стали хозяевами положенія и, опоясавшись пулеметными лентами, обложенные нѣсколькими наганами, побѣдно, съ похабными пѣснями, шайками разъѣзжали по станицѣ на лошадяхъ «реквизированныхъ» у калмыковъ, ища «контрреволюціонеровъ», «бѣлопогонниковъ». Часто заглядывали и въ нашъ хуторъ, беря все, что подвернется подъ руку.

Время было такое, что небезопасно было выходить на дворъ. Особенно жутко становилось по вечерамъ.

Прошла жуткая зима 1918 года. Искра унесенная Походнымъ Атаманомъ въ Задонскія степи, въ концѣ концовъ зажгла пожаръ возстанія Донцовъ. Всколыхнулся, взволновался весь Донъ и освободилъ свой край отъ власти разнузданныхъ пришельцевъ.

Забурлила жизнь въ столицѣ Дона — Новочеркасскѣ. Собрался Кругъ. Ген. П. П. Красновъ сталъ Атаманомъ, проявилъ себя блестящимъ организаторомъ и достойнымъ главой государства. Всюду, наряду съ напряженной борьбой съ врагомъ на родныхъ рубежахъ, началась лихорадочная строительная работа, возстановленіе всего того, что было разрушено недавними пришельцами. Въ августѣ Донъ сталъ и формально самостоятельнымъ, принявъ свои Основные Законы. Крѣпла вѣра, что Донъ окончательно избавился отъ всѣхъ своихъ недавнихъ кошмаровъ, что отнынѣ онъ свободно будетъ дышать, окончательно окрѣпнетъ. Осязаемымъ залогомъ крѣпости Дона какъ-будто служила такъ быстро созданная и прекрасно поставленная Молодая Донская Армія и тотъ душевный подъемъ, коимъ въ то время были охвачены всѣ казаки.

Но наступили зимнія неудачи на фронтѣ, приблизились новыя испытанія. Въ результатѣ этихъ новыхъ неудачъ ушелъ Красновъ, а его мѣсто заступилъ покойный А. П. Богаевскій. Новое напряженіе и, къ счастью, Донъ на этотъ разъ отбилъ натискъ враговъ.

Лѣтомъ 1919 года въ наши станицы былъ полученъ приказъ, въ силу котораго должны были бы быть мобилизованы всѣ заштатные и отставные буддійскіе монахи, коихъ во всѣхъ нашихъ хурулахъ можно было насчитать около сотни душъ. Разумѣется, этой сотней людей, совершенно неспособныхъ къ несенію военной службы, всю свою жизнь проведшихъ за молитвой и перебираніемъ четокъ, исходъ военной кампаніи не могъ разрѣшиться. Между тѣмъ, эти люди, давшіе священный обѣтъ щадить жизнь каждой букашки, должны были взять въ руки винтовки и стрѣлять въ людей.

Приказъ этотъ взволновалъ нашихъ священниковъ и они обратились ко мнѣ, какъ къ главѣ хурула за совѣтомъ. Членъ Круга отъ нашей станицы, Б. Н. Улановъ, посовѣтовалъ мнѣ поѣхать въ Новочеркасскъ и лично обратиться къ Атаману Богаевскому и просить его объ отмѣнѣ этого приказа.

Вмѣстѣ съ нимъ я выѣхалъ немедленно въ ст. Батлаевскую, гдѣ жилъ нашъ старѣйшій, нынѣ покойный, Бакша Нимгировъ, замѣщавшій незадолго передъ тѣмъ скончавшагося Бакшу-Ламу Донскихъ калмыковъ Менько Борманжинова. Получивъ отъ старѣйшаго Бакши соотвѣтствующіе директивы и полномочіе, я вмѣстѣ съ Улановымъ выѣхалъ въ Новочеркасскъ.

На нашъ телефонный запросъ — когда онъ можетъ насъ принять — Атаманъ Богаевскій изъ дворца, съ исключительной любезностью отвѣтилъ, что готовъ принять когда угодно и назначилъ часъ нашей встрѣчи.

Принялъ онъ насъ въ Атаманскомъ Дворцѣ, какъ подобаетъ Главѣ Дома. Тутъ я первый разъ увидѣлъ его въ непосредственной близости и услышалъ его пріятный голосъ. Произвелъ онъ на меня впечатлѣніе исключительно обходительнаго, любезнаго человѣка. Съ первыхъ же его словъ я обнаружилъ его особую симпатію къ калмыкамъ. Объяснялось ли это его «родствомъ» съ калмыками, о чемъ говорилъ его братъ или чѣмъ другимъ — не могу сказать.

Мы подробно объяснили ему цѣль нашего пріѣзда. Чрезвычайно внимательно и сердечно отнесся онъ къ нашей просьбѣ и тутъ же отдалъ распоряженіе объ отмѣнѣ приказа, призывающаго гелюновъ на фронтъ.

Потомъ завязалась простая, непринужденная бесѣда. Онъ подробно распрашивалъ о положеніи калмыцкихъ станицъ, проявилъ исключительный интересъ къ судьбѣ калмыковъ. Кратко намъ сообщилъ о положеніи дѣлъ на фронтѣ и онъ на будущее смотрѣлъ бодро, съ большой вѣрой.

Передъ разставаніемъ сообщилъ намъ, что въ недалекомъ будущемъ собирается совершить объѣздъ калмыцкихъ станицъ съ

цѣлью личнаго ознакомленія съ тѣмъ разореніемъ, какое совершили тамъ большевики.

Это была моя первая встрѣча съ покойнымъ Атаманомъ А. П. Богаевскимъ.

* * *

Въ скоромъ будущемъ А. П. Богаевскій совершилъ объѣздъ калмыцкихъ станицъ. Было это лѣтомъ 1919 года, когда положеніе на фронтѣ создавало самое оптимистическое настроеніе. Усиліемъ своихъ сыновей Сѣдой Донъ былъ очищенъ отъ пришельцевъ. Хозяинъ Дона — Кругъ и избранный имъ Атаманъ и правительство проявили кипучую дѣтятельность. Всюду шла лихорадочная строительная работа. Донъ залѣчивалъ раны, нанесенныя ему врагомъ.

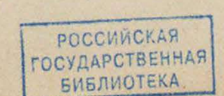
Казалось, что миръ и благоденствіе снисходятъ и къ калмыкамъ, которые въ недавнемъ смутномъ и страшномъ прошломъ пережили столько душевныхъ и физическихъ страданій, хозяйственныхъ разореній.

Объѣзжая станицы, Атаманъ Богаевскій пріѣхалъ въ нашу станицу. Первымъ дѣломъ заѣхалъ въ нашъ хурулъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ тѣмъ, какіе «номера» выкидывали большевистскіе хулиганы въ нашемъ священномъ хурулѣ. А этихъ «номеровъ» было больше чѣмъ достаточно. Все богатѣйшее и рѣдчайшее собраніе священныхъ писаній было вынесено изъ главнаго Сомэ (Храма) и разсѣяно по степи; рѣдкой восточной работы сидячія золоченныя изображенія буддійскихъ святыхъ были вынесены на дворъ и изрѣшетены пулями. Они служили мишенью для практической стрѣльбы красногаврдейцевъ; внутренность самого храма была изгажена человѣческими испражненіями и т. д. и т. п.

Обо всемъ этом мы подробно доложили Атаману, на котораго все это произвело удручающее впечатлѣніе. Видно было, какъ его вѣрующая и благородная душа была возмущена таким кощунствомъ людей.

Послѣ соотвѣтствующей службы въ храмѣ, которую Атаманъ прослушалъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, я почтительно предложилъ ему раздѣлить съ нами нашу скромную трапезу, приготовленную у меня, что охотно было принято покойнымъ. За этой нашей скромной трапезой завязалась непринужденная бесѣда. Какимъ простымъ, сердечнымъ и доброжелательнымъ былъ онъ среди насъ, какъ болѣлъ душой о нашихъ горестяхъ. Атаманъ разспрашивалъ обо всемъ, интересовался всѣмъ. Мы подробно объясняли. Обѣщалъ, по возвращеніи въ Новочеркасскъ, поднять вопросъ объ оказаніи помощи калмыцкимъ станицамъ, особенно пострадавшимъ отъ большевиковъ.

Когда, послѣ окончанія трапезы, Атаманъ и всѣ мы вышли на дворъ, чтобы поѣхать въ станицу на сборъ, мы увидѣли такую

сцену. На пути отъ моего дома къ атаманскому автомобилю стоитъ на колѣняхъ всѣмъ извѣстный въ станицѣ бѣдностью, простотой, веселымъ, неунывающимъ характеромъ — Кашка. Шапка лежитъ передъ нимъ; руки молитвенно сложены на груди, лицо строго сосредоточенное, на головѣ большой бѣлый конвертъ. Молчитъ, лишь шевелитъ губами, какъ будто молитву читаетъ (человѣкъ то онъ былъ не изъ особенно религiозныхъ).

Атаманъ, увидѣвъ его, не сразу понялъ въ чемъ дѣло. Мы, сразу догадавшiеся о причинѣ этой сцены подсказали Атаману, что навѣрно подаетъ прошенiе. У этого Кашки была какая то тяжба съ однимъ казакомъ Романовской станицы. Казакъ этотъ, безъ особаго основанiя, незадолго передъ тѣмъ, насильно угналъ къ себѣ его коровенку. Оказалось, что Кашка просилъ Атамана приказать этому казаку вернуть его корову.

Тронутый такимъ необычнымъ способомъ подачи прошенiя, чуткiй къ горю калмыка неосновательно обиженнаго казакомъ, Атаманъ тутъ же наложилъ резолюцiю на прошенiи съ приказомъ немедленно возвратить Кашкѣ его корову. Скоро Кашка корову свою дѣйствительно получилъ обратно.

Послѣ я спрашивалъ не разъ Кашку — почему онъ вздумалъ подавать свое прошенiе Атаману на головѣ, а не руками?

И каждый разъ онъ съ большой обидой отвѣчалъ: «какъ можно такой высокой особѣ, главѣ цѣлаго государства, просто руками подавать? Можно, вѣдь, осквернить! Такому человѣку только на головѣ и должно подносить!»

Прiѣздъ Атамана въ станицу явился большимъ событiемъ. Поэтому въ станичномъ правленiи была приготовлена соотвѣтствующая атаманскому достоинству встрѣча. Собралась вся станица. На станичномъ сборѣ, входя во всѣ нужды, Атаманъ любезно бесѣдовалъ со стариками, разспрашивая обо всемъ. Радость калмыковъ была большая. Видно было, что и Атаманъ былъ тронутъ сердечностью встрѣчи.

Послѣ сбора Атаманъ, заѣхавъ къ Б. Н. Уланову на домъ, выѣхалъ въ автомобилѣ на станцiю Зимовники, куда мы его сопровождали и откуда онъ долженъ былъ продолжать свой объѣздъ.

А облагодѣтельствованный Атаманомъ Кашка на своей вороной кобылицѣ до самой станцiи состязался съ атаманскимъ автомобилемъ. И, какъ потомъ онъ намъ объяснялъ, въ видѣ особаго привѣтствiя и выраженiя почтенiя къ Атаману, черезъ каждую версту онъ перескакивалъ дорогу Атаманскому автомобилю, на скаку хваталъ съ земли траву и бросалъ въ воздухъ, приводя въ веселое настроенiе Атамана, его свиту. Когда мы возвращались, послѣ проводовъ, домой, кобылица Кашки была окончательно измучена и еле влачила свои ноги. Такъ бѣдный Кашка за атаманскiй приказъ вернуть ему корову чуть не загналъ свою послѣднюю кобылицу.

Это была моя вторая встрѣча съ покойнымъ Атаманомъ А. П.

Богаевскимъ. Отъ этихъ встрѣчъ у меня остались самыя лучшія воспоминанія, самое пріятное впечатлѣніе, еще болѣе усилившееся отъ послѣдующихъ моихъ частыхъ встрѣчъ съ нимъ уже въ эмиграціи.

Нынѣ А. П. Богаевскій ушелъ отъ насъ въ лучшій міръ. Царство ему небесное! Я же долгомъ своимъ почитаю въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ Всевышнему просить о спасеніи души раба Божьяго Африкана.

Даржа НИМБУШОВЪ.

20. XII. 1934 года.

ОТЗЫВЫ НА СМЕРТЬ А. П. БОГАЕВСКАГО

Послѣ смерти Донского Атамана А. П. Богаевскаго, супругой покойнаго, Надеждой Васильевной, получены сотни писемъ соболѣзнованій, въ которыхъ выражены не только соболѣзнованія, но и дана характеристика жизни и дѣятельности покойнаго и характеристика его какъ человѣка и казака-Атамана.

За отсутствіемъ достаточнаго мѣста въ настоящемъ сборникѣ для всѣхъ этихъ соболѣзнованій, приходится ограничиться только выдержками изъ части ихъ, наиболѣе ярко дающихъ характеристику покойному Атаману:

Войсковые Атаманы.

Кубанскаго Войска ген. *Науменко* — «Смерть Африкана Петровича тяжелая утрата не только для Васъ, но и для всего Войска Донского и нашего казачьяго Объединенія, на созданіе котораго онъ такъ много работалъ».

Терскій Атаманъ ген. *Вдовенко* — «... Слишкомъ дорога стала каждая отдѣльная личность и каждая новая потеря больно отражается на сердцѣ. Тѣмъ болѣе когда уходитъ крупный человѣкъ, сумѣвшій сосредоточить на себѣ взоры какъ своихъ послѣдователей такъ и противниковъ».

Астраханскій Атаманъ г. *Ляховъ* — « ... Казачество потеряло выдающагося дѣятеля въ дни горькихъ испытаній на Родинѣ и въ путяхъ долгой эмиграціи. Не осуществились свѣтлыя идеи дорогого намъ всѣмъ Африкана Петровича, который мечталъ, что вотъ вотъ настанетъ для насъ всѣхъ свѣтлый день, когда всѣ съ честью возвратятся въ родныя курени Тихого Дона, Раздольной Кубани, Бурнаго Терека, Матушки Волги и др. мѣста».

Представители общерусскихъ организацій.

Отъ Русскаго Эмигрантскаго Комитета во Франціи — *В. А. Маклаковъ*: «... Всѣ мои сочлены приносятъ даръ признательности памяти великому русскому патріоту, отдавшему свои силы на служеніе Родинѣ и дорогому его сердцу казачеству, а за послѣдніе

годы изгнанія явившемуся однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и цѣнныхъ сотрудниковъ Русскаго Эмигрантскаго Комитета въ дѣлѣ отстаиванія интересовъ русскихъ бѣженцевъ...»

Отъ Русскаго Комитета Объединенныхъ Организацій во Франціи Графъ *Коковцевъ* — « ... Смерть Африкана Петровича является незамѣнимой потерей для всей Русской эмиграціи, которая лишается въ его лицѣ неутомимаго поборника единенія русскихъ національныхъ силъ...»

Отъ Главнаго Правленія Россійскаго Центральнаго Объединенія — *А. Гукасовъ* ... « Отъ Россіи и отъ всѣхъ насъ отошелъ честный воинъ, сочетавшій государственную мудрость съ неутомимымъ служеніемъ общественнымъ, вся жизнь котораго была исполненіемъ долга передъ отечествомъ...»

Отъ Русскаго Національнаго Комитета проф. *А. В. Карташовъ* — «... Присоединяемъ свое гражданское горе о невозвратимой утратѣ авторитетнаго Всероссійскаго Вождя казачества, дорогого Африкана Петровича. Честь борца за святое дѣло свободы украшаетъ его чело въ исторической галлереѣ Русскихъ героевъ...»

Главный Комитетъ Всероссійскаго Земскаго Союза *А. Хрипуновъ* — « ... Покойный Африканъ Петровичъ принадлежалъ не только семьѣ и казачеству, но вся его жизнь и работа была посвящена на пользу Россіи и русской эмиграціи, вотъ почему его преждевременная кончина такъ больно ощущается всѣми искренними патріотами...»

Отъ лица Академика Н. К. Рериха и учрежденій его имени *Г. Шкляверъ* — « ... Мы съ благодарностью вспоминаемъ о томъ, какъ благожелательно относился доблестный и славный Атаманъ къ культурно-просвѣтительнымъ начинаніямъ нашихъ учрежденій. Въ каждомъ словѣ и дѣйствіи почившаго проявились его истинное благородство и высокій умъ, всегда готовый поддержать все то, что можетъ возвеличить русское и казачье имя...»

Національная организація Русскихъ Скаутовъ — « ... Африканъ Петровичъ всегда былъ внимателенъ къ русскимъ скаутамъ и еще на Дону носилъ званіе Старшаго Друга Русскихъ Скаутовъ...»

Приходской Совѣтъ церкви Серафима Саровскаго въ Парижѣ, въ которомъ Африканъ Петровичъ былъ членомъ Совѣта — « ... Кончина Африкана Петровича — кончина благороднѣйшаго, рѣдкаго русскаго человѣка, гражданина и истиннаго христіанина»...

Союзъ Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ въ Югославіи — ... Русскіе Военные Инвалиды со смертью Вашего супруга лишились своего вѣрнаго, преданнаго и дѣятельнаго друга»...

Ген. *Михѣевъ* — Предсѣдатель Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ въ Чехословакіи отъ имени Союза Инвалидовъ и отъ имени ряда общерусскихъ организацій въ Чехословакіи — ... Невознаградимая потеря Донскихъ казаковъ, потерявшихъ Атамана, прекраснаго и просвѣщеннаго человѣка и воина, вызвала сочувствіе и среди широкихъ круговъ русской эмиграціи въ Чехословакіи»...

Казачьи общественно-политическіе дѣятели.

В. А. Харламовъ — б. Предсѣдатель Донского Войскового Круга — ...« Искренне жаль хорошаго, высоко порядочнаго и добраго человѣка. Въ тяжелыхъ условіяхъ эмигрантскаго житія трудно было ему работать. Много у него было политическихъ противниковъ, но личныхъ не было. Имя его войдетъ въ исторію Дона и Россіи. Пройдетъ время, страсти успокоятся и свѣтлой памяти его воздадутъ должную дань...»

Е. Саблинъ — Донской казакъ, бывшій Россійскій посолъ въ Англіи — « ... Для всѣхъ русскихъ людей въ изгнаніи пребывающихъ, и, въ особенности, для зарубежнаго казачества, столь преждевременная смерть Африкана Петровича является большимъ ударомъ, ибо въ лицѣ его мы потеряли не только хорошаго человѣка и просвѣщеннаго россіянина, но и замѣчательнаго общественно-политическаго дѣятеля. Здравый смыслъ и умѣренность взглядовъ, А. П. способствовали благополучному разрѣшенію многихъ вопросовъ, волновавшихъ бѣженство и казачество...»

П. Кузнецовъ, управляющій дѣлами канцелярій Атамана В. В. Д. — « ... Въ лицѣ почившаго всѣ знавшіе его, потеряли человѣка исключительной душевной чистоты, а мы, донскіе казаки, доблестнаго Атамана, извѣстнаго своей борьбой съ поработителями Родины — большевиками. Смерть его отразится глубокой скорбью въ сердцахъ казаковъ всѣхъ казачьихъ войскъ, какъ тяжелая утрата ихъ возглавителя на чужбинѣ...»

В. Свѣтозаровъ, б. управл. отдѣломъ народн. просвѣщенія В. В. Д. — « ... Мы, его близкіе сотрудники, потеряли благороднаго рыцаря, всѣми глубоко-уважаемаго Донского Атамана, и на рѣдкость отзывчиваго и прекраснаго человѣка. Въ нашихъ сердцахъ навсегда останется свѣтлая память о дорогомъ Африканѣ Петровичѣ и о его добрыхъ дѣяніяхъ, которыя войдутъ на страницы исторіи Дона...»

Б. Улановъ, б. членъ Донского Правительства « ... Милый онъ былъ человѣкъ, всегда добрый, отзывчивый и благожелательный, благородный и довѣрчивый. Онъ былъ цѣннѣйшимъ человѣкомъ не только во всемъ казачествѣ, но и Россіи. Поэтому онъ былъ удостоенъ довѣрія всего Войска Донского въ героическіе моменты его тяжкой жизни, высокаго званія. Судьба возложила на его плечи бремя страшное и тяжелое, вынести которое непосильно и сильнѣйшему. Онъ глубоко любилъ свое родное Войско и дѣлалъ все, что было въ его силахъ. Но всего сдѣлать никто не въ силахъ. Вмѣстѣ съ ушедшимъ ушла великая и героическая страница жизни Дона и Россіи и всѣхъ насъ».

Ген. *С. Денисовъ*, быв. командующій Донской Арміей отъ име-

ни казачьей общественности въ гор. Нью-Іоркѣ — ...« Свѣтлая память о нашемъ Атаманѣ, стойкомъ борцѣ, за свободу и правду да послужитъ вамъ и намъ посильнымъ утѣшеніемъ...»

М. Челноковъ, упр. отдѣломъ народн. просвѣщенія В. В. Д. и городской голова г. Москвы. « Всегда съ великой благодарностью вспоминаю, какъ легко и хорошо разрѣшались весьма иногда сложные вопросы въ связи съ организацiей и веденіемъ Донскихъ учебныхъ заведеній, когда приходилось, по тѣмъ или другимъ причинамъ, обращаться къ нему. Онъ всегда умѣлъ подходить къ вопросамъ съ широкой точкой зрѣнія и разрѣшалъ ихъ, принимая во вниманіе жизненную сущность и не забывая при этомъ малѣйшихъ деталей. Работа съ нимъ всегда была легка и плодотворна. Осиротѣла русская семья, не стало еще одного, дальновиднаго, государственнаго человѣка, ушелъ прекрасный, благородный представитель старой Россіи, стараго доблестнаго казачества...

Соратники и сослуживцы А. П. Богаевскаго.

Борисъ Суворинъ — « ... Всѣ тѣ, кто знали покойнаго никогда не забудутъ его. Онъ умѣлъ въ то трудное время — время гражданской войны — всюду внести успокоеніе. Основными качествами его характера была доброжелательность и въ наше взбаломученное время эта доброжелательность, никогда его не покидавшая, привлекала къ нему всѣхъ знавшихъ его»...

Графъ *Нироdъ* — « ... Мы съ нимъ одного выпуска, я зналъ его всю жизнь, но ближе сошелся во время войны и тутъ только я понялъ, какой это во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный человѣкъ. Но главная его прелесть была его поразительная личная скромность и ею и своей добротой онъ располагалъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Вы себѣ не можете представить какъ его любили и уважали въ Лейбъ-Драгунскомъ полку»...

Объединеніе чиновъ Маріупольскаго полка — « ... Покойный намъ, Маріупольцамъ, сдѣлалъ столько добра, что память о немъ навсегда сохранится въ нашихъ сердцахъ...»

Отъ Лейбъ-Казаковъ въ Югославіи полк. *Намикосовъ* — « ... Зная Африкана Петровича еще съ юнкерскихъ лѣтъ какъ своего преподавателя и старшаго однокашника по Николаевскому Кавалерійскому училищу, какъ одного изъ старѣйшихъ однобригадниковъ и, впослѣдствіи, какъ своего Атамана, узнали его очень хорошо и несмотря ни на какую политическую рознь и полемику ни при какихъ случаяхъ не измѣнили о покойномъ своего мнѣнія какъ о честномъ и славномъ казакѣ, и безконечно грустимъ, что ему не удалось увидѣть родную Донскую землю, за которую ему пришлось столь много пережить и на полѣ брани да и не меньше

отдать своихъ послѣднихъ лѣтъ и личнаго благополучія за интересы такъ имъ горячо любимаго казачества и матушки Россіи...»

Академикъ *П. Б. Струве* — ...«Личность покойнаго внушала всѣмъ соприкасавшимся съ нимъ глубокую симпатію. Природный казакъ, и настоящій воинъ, онъ имѣлъ ясное и твердое общегражданское сознаніе русскаго патріота»...

Учебныя заведенія.

Русская Реальная гимназія въ Моравской Тшебовѣ — « ... Ваша скорбь есть скорбь всего Донского казачества, для котораго Африканъ Петровичъ былъ дорогимъ вождемъ-избранникомъ, священнымъ символомъ казачьей свободы, — скорбь казаковъ — есть скорбь всѣхъ русскихъ людей зарубежья, въ глазахъ которыхъ онъ былъ однимъ изъ рыцарей, оставшихся до конца честнымъ борцомъ за честь и свободу Великой Россіи. Великимъ горемъ и тяжелымъ ударомъ отразится вѣсть о смерти дорогого Атамана и тамъ на берегахъ тихаго Дона: намъ здѣсь достовѣрно извѣстно, что съ его именемъ связывались тамъ самыя горячія надежды порабощеннаго казачества; что его имя было тамъ священнымъ паролемъ, который казаки называли другъ другу тихимъ шопотомъ для взаимной провѣрки вѣрности казачьему долгу и казачьимъ традиціямъ. Нашъ долгъ хранить въ признательныхъ сердцахъ священную память нашихъ героевъ и передать эту память о нихъ нашей младшей смѣнѣ, которой суждено продолжать и завершить дѣло нашей великой борьбы за свободу и счастье Родины. Много добраго сдѣлалъ покойный для подготовки этой смѣны и наша гимназія свято помнитъ, какъ многимъ она обязана въ пору своего начальнаго существованія на берегахъ Босфора покойному Африкану Петровичу»...

Русская Реальная гимназія въ Прагѣ — « ... Занимая высокій административный постъ, будучи безстрашнымъ героемъ на войнѣ, покойный пользовался общимъ уваженіемъ и любовью. Кромѣ того, онъ отзывчиво и сердечно относился къ нуждамъ молодежи, особенно на чужбинѣ. Въ исторіи русской школы за границей будетъ свѣтлая и прекрасная страница о помощи покойнаго Атамана обездоленнымъ русскимъ дѣтямъ въ Константинополѣ и объ учрежденіи имъ стипендіи въ русской гимназіи для дѣтей донскихъ казаковъ»...

Разныя лица.

Сибирская казачка Волкова (поэтесса) — « ... Какъ жаль этого чистаго, рыцарски честнаго и самотверженнаго дѣятеля и человѣка. Я не донская казачка, я не была знакома съ Атаманомъ, я даже никогда его не видѣла, но много читала и слышала о немъ, и создала въ своемъ представленіи его полный и цѣльный образъ

какъ казака, генерала, патріота и человѣка съ прекрасной и чистой душой...»

Казачка Донская изъ Персіи — « ... Несмотря на то, что я такъ мало знала Африкана Петровича, тѣ нѣсколько разъ, которыя я имѣла счастье видѣть его, оставили во мнѣ воспоминаніе на всю жизнь. Онъ былъ не только хорошимъ человѣкомъ, но и воплощеніемъ всего лучшаго, что осталось отъ Россіи и казачества и очень тяжело, что его больше нѣтъ съ нами...»

С. Ульмадиновъ, Бакша Буддійскаго храма въ Югославіи, донской Калмыкъ — « ... Считая эту потерю невозвратимой, мы, Буддійскіе священники, служители при здѣшнемъ храмѣ, вмѣстѣ съ Вами скорбимъ о этой утратѣ такъ какъ ушелъ отъ насъ честный и вѣрный сынъ тихаго Дона и защитникъ Калмыцкаго народа ...»

Бывшая классная дама женскаго Новочеркасскаго института — « Я никогда не забываю, что только благодаря Африкану Петровичу спасена не одна сотня русскихъ дѣвочекъ, уже ставшихъ на самостоятельныя и твердыя ноги, а тогда бывшихъ институтками. Я никогда не забываю какъ заботился онъ о благополучіи институтокъ и какъ былъ безконечно милъ, добръ и внимателенъ къ нимъ...»

Бывшая воспитанница института *Ольга Одинцова* — « ... Ваше горе есть общее горе. Всегда представляю себѣ его героическую, рыцарскую душу и благородное отношеніе къ дѣтямъ: передо мной встаетъ образъ безконечно добраго отзывчиваго человѣка съ глубокими кроткими ласковыми глазами. Всѣ поняли какую утрату мы понесли не только какъ доблестнаго воина, но и какъ рѣдкаго отзывчиваго и душевнаго человѣка»...

С. И. Левинъ, журналистъ — « ... Ваше горе раздѣляется всѣми русскими людьми, независимо отъ ихъ религіозной, національной или политической принадлежности, ибо уходъ отъ насъ Атамана столь честнаго, умнаго и ко всѣмъ ровнаго, является общерусской потерей»...

Членъ Дон. Войск. Круга Протоіерей отецъ *Иларіонъ Титовъ* — « ... Къ Атаману приходили и великіе и малые, и заслуженные и простые казаки, и всѣ находили помощь, утѣшеніе и наставленіе. Кто же не имѣлъ возможности видѣть его лично, обращался къ нему письменно и всѣ получали отвѣты и удовлетвореніе...»

В. Старшина *П. Рудовъ*, бывшій адъютантъ ген. Мамонтова — « ... Покойный былъ для насъ не только Атаманомъ, но и отцомъ...»

С. Толстая — « ... Африканъ Петровичъ былъ настоящій русскій генералъ и сколько онъ сдѣлалъ добра, но дѣлалъ онъ это тихо и скромно безъ всякаго шума...»

Казачьи организацiи.

Комиссiя по созыву Общеказачьяго Съѣзда — « ... Мы больше чѣмъ кто либо можемъ оцѣнить величину этой утраты, ибо въ совмѣстной работѣ и подъ его руководствомъ, мы на каждомъ шагу могли видѣть его благородство, прямоту и преданность великому дѣлу служенiя своей Родинѣ — Россiи, Славному Всероссiйскому казачеству и Тихому Дону. И здѣсь на чужбинѣ — въ эти горькiе часы изгнанiя онъ не только отдавалъ этому служенiю всѣ свои силы до послѣднихъ часовъ своей жизни, но и неизмѣнно проявлялъ подлинно рыцарское отношенiе ко всему съ кѣмъ и съ чѣмъ судьба его не сталкивала. Ушелъ тотъ, кто былъ символомъ единства, символомъ связи съ прошлымъ, со славной борьбой за казачью волю и честь, съ славной борьбой за освобожденiе и возстановленiе общей матери Россiи и казачьихъ краевъ. Смерть Атамана-Рыцаря глубоко переживается всѣмъ казачествомъ, для котораго онъ, во Францiи, да и въ другихъ странахъ, былъ вѣрнымъ защитникомъ и ходатаемъ. Имя Атамана-Рыцаря войдетъ въ исторiю какъ казачьихъ войскъ, такъ и въ исторiю Россiи какъ одно изъ славныхъ и свѣтлыхъ именъ...»

Калмыцкiя организацiи изъ Бѣлграда, Десина, Монтаржи (Францiя) и Парижа — « ... Атаманъ былъ нашимъ покровителемъ какъ на Родинѣ такъ и на чужбинѣ, въ тяжкiе годы испытанiя для Калмыцкаго народа, онъ былъ нашимъ добродѣтелемъ и отцомъ. Какъ вѣрующiе буддисты совершенно увѣрены, что онъ, будучи кристальной чистоты человѣкомъ, несомнѣнно достигнетъ Нирваны...»

Объединенiе казачьихъ организацiй города Лiона (Францiя) « —.... Только доброе сердце, большой тактъ и знанiе людской души, присущiе дорогому покойнику, могли объединить многоликое зарубежное казачество. Память о немъ долго будетъ жить въ нашихъ сердцахъ, а имя его и дѣла принадлежатъ исторiи...»

Общеказачья станица въ Крезо (Францiя) — « ... Пусть будетъ Вамъ успокоенiе, что онъ остался вѣренъ и непоколебимъ до конца своей жизни на высокомъ посту и заслужилъ всеобщую любовь и уваженiе, незабываемыя никогда...»

Провансальская казачья станица (Марсель) —« ... Преклоняемся передъ свѣтлой памятью умершаго дорогого начальника, Атамана славнаго В. В. Д. и вождя казачества, сумѣвшаго въ тяжелыя минуты отстаивать честь и достоинство казачества и помогать ему всѣмъ, чѣмъ можно...»

Казаки Терскаго Войска во Францiи и Терское Объединенiе въ Парижѣ — « ... Въ лицѣ почившаго сошелъ въ могилу не только Атаманъ братскаго намъ Донского Войска, но и авторитетнѣйшiй блюститель и защитникъ интересовъ всѣхъ казаковъ; къ нему

обращались и мы, Терцы, съ нашими горестями, болями и заботами, неизмѣнно встрѣчая внимательное отношеніе, исключительную отзывчивость , доброжелательность и въ мѣрѣ силъ своихъ просимую поддержку...»

Общество Ревнителей Кубани — « ... Память объ ушедшемъ Атаманѣ какъ о прекрасномъ отзывчивомъ человѣкѣ, глубокомъ патріотѣ, славномъ Атаманѣ и храбромъ военноначальникѣ, мы сохранимъ навсегда...»

Хуторъ въ Помпей « ... На всякую печаль и горечь нашей жизни за рубежомъ онъ какъ отецъ родной, какъ старшій братъ давалъ свою разумную и неоцѣнимую помощь и словомъ и дѣломъ. Не хватаетъ ни силъ ни разума выразить свою скорбь и печаль объ утратѣ нашего Атамана...»

Донская Волковысская станица въ Польшѣ — « ... Донскіе казаки въ особѣ Африкана Петровича потеряли идейнаго, высокочтимаго и отзывчиваго человѣка и преданнаго Войску Атамана...»

Группа казаковъ изъ Марокко — « ... Африканъ Петровичъ былъ для насъ больше, чѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ и начальникомъ — онъ былъ для насъ роднымъ и отзывчивымъ отцомъ Атаманомъ...»

Общеказачья станица и рядъ общерусскихъ организацій въ Уругваѣ — « ... Многотысячныя разстоянія, отдѣляющія насъ отъ тихаго Дона и отъ почившаго Атамана не умалили нашего отношенія къ Атаману, бывшаго стойкимъ и честнымъ казакомъ — Атаманомъ и своимъ словомъ и дѣломъ, своей жизнью и смертью завѣщавшаго намъ эти начала...»

Сводно-Донская станица въ Шанхаѣ — « ... Свѣтлая память и завѣты покойнаго остались намъ вѣрными, указанными имъ путями, въ тяжелой работѣ спасенія Родины нашей; спасеніе это онъ видѣлъ въ объединеніи казаковъ и любви къ Родинѣ, которымъ и училъ насъ...»

Венгерская Общеказачья станица въ Будапештѣ — « ...Умеръ тотъ, который своими добрыми дѣлами и совѣтомъ и нравственной поддержкой въ тяжелые дни за границей былъ для насъ отцомъ...»

Объединеніе казачьихъ организацій въ Чехословакіи — « ... Въ лицѣ покойнаго Атамана мы потеряли своего Вождя-Атамана, посвятившаго свою жизнь служенію казачеству. Онъ былъ нашимъ доблестнымъ Атаманомъ и однимъ изъ лучшихъ вождей казачества...»

Группа изъ Чехословакіи — « ... Всегда было такое чувство, что хоть и далеко, но есть какая то точка опоры и когда извѣришься во всѣхъ, то есть еще человѣкъ на свѣтѣ, который всегда отвѣчалъ

правду на всякій вопросъ и даже самую страшную, какой она была послѣ Токмака — такимъ правдивымъ и прямымъ человѣкомъ былъ Африканъ Петровичъ...»

Членъ Донского В. Круга А. *Лобачевъ* отъ группы въ Майнцѣ (Германія) — « ... Покойный былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ вождей казачества, но всегда былъ скромнымъ, тихимъ, правдивымъ и спокойнымъ за что казаками и былъ прозванъ «Тишайшимъ» Атаманомъ...»

Отъ Софійской Общеказачьей станицы въ Болгаріи Н. В. Куницынъ — « ... Дорогой незабвенный для насъ всѣхъ, нашъ Атаманъ Африканъ Петровичъ волею народною былъ призванъ къ власти въ самый тяжелый моментъ жизни Тихаго Дона, когда красная волна зловѣще плескалась почти у Донской столицы. Съ этого момента черезъ всѣ дни своего Атаманства, до послѣдняго своего вздоха, покойный неизмѣнно велъ казачество, призывая къ единенію между собою, къ дружной работѣ со всѣми національно-мыслящими кругами русской эмиграціи, противъ одного врага, противъ общей всѣмъ бѣды — большевиковъ — Африканъ Петровичъ былъ избранникомъ народнаго сердца и его смерть оставитъ въ этомъ сердцѣ скорбный слѣдъ. Казачье сердце всегда будетъ скорбѣть, что съ покойнымъ ушелъ въ могилу вѣрный сынъ Тихаго Дона и Матери Россіи, ушелъ крупный казачій и русскій дѣятель, доблестный военноначальникъ и прекрасный, отзывчивый сердцемъ и душой человѣкъ, — но рядомъ съ болью въ казачьихъ сердцахъ всегда будетъ жить благодарность и преклоненіе передъ свѣтлой памятью человѣка и дѣятеля неизмѣнившаго дѣлу и чести до конца. Вѣчная память тому, кто шелъ до послѣдняго земного вздоха рыцаремъ безъ страха и упрека...»

Общеказачья колонія въ Дубровникѣ — « ... Смерть отняла у Вс. В. Д. его главу и гордость — Войскового Атамана, а у всего казачества вдохновителя и объединителя, русскую эмиграцію лишила выдающагося общественно-политическаго дѣятеля и однаго изъ наиболѣе активныхъ, культурныхъ и благородныхъ носителей и сѣятелей русской мысли и нашихъ идеаловъ — вождя вѣрнаго завѣтамъ казачества. Смерть любимаго и высоко цѣнимаго человѣка и Атамана въ годы особо тяжкихъ испытаній для казачества является невозмѣстимой утратой для казаковъ всѣхъ войскъ, утратой авторитетнѣйшаго возглавителя и животворящаго источника, въ которомъ струилась казачья мысль и куда сводились нити казачьяго единенія. Въ лицѣ его мы потеряли душу этого источника...»

Общеказачья колонія въ Бѣлой Церкви, въ Югославіи — « ... Всѣ поняли, что отъ насъ ушелъ въ вѣчный міръ свѣтлый, мудрый и вѣрный руководитель. Потеря государства, Родины, семьи и всего достоянія сдѣлали настоящаго человѣка, бѣженца, вольнодумнымъ, капризнымъ, требовательнымъ и часто непочти-

тельнымъ и мы сознаемъ, какой тяжелый крестъ онъ съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ вынесъ до конца...»

Детройтъ (Америка), казачья группа — « ... Заслуги и славныя дѣла покойнаго неисчислимы передъ горячо имъ любимой Родиной въ годины ея страшнаго испытанія...»

Такъ характеризовали казаки и не казаки покойнаго Донского Атамана Африкана Петровича Богаевскаго въ своихъ письмахъ супругѣ его Надеждѣ Васильевнѣ.

Кромѣ этого Членъ Донского Правительства Б. Улановъ въ журналѣ «Казачья Мысль» No 2 за февраль 1935 года въ статьѣ «Памяти Ген. А. П. Богаевскаго» писалъ:

« ... Нынѣ почившій Донской Атаманъ — Президентъ Донской казачьей республики — на этомъ посту былъ 4-мъ по порядку послѣ возрожденія казачьихъ вольностей. Президентъ и верховный главнокомандующій вооруженными силами Донского казачества, воплощеніе его единства и суверенности...»

« ... Но не легкая досталась покойному Атаману доля...»

« ... Въ горнилѣ рѣшеній всѣхъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ 1917-1920 г. г. и въ вопросахъ эмигрантскаго періода опредѣлились истинный характеръ покойнаго Атамана, его душевныя и моральныя качества, его общественно-моральная личность ...»

« ... Въ высокой степени воспитанный и спокойный, добродушный и довѣрчивый, Африканъ Петровичъ былъ преисполненъ живой отзывчивостью и состраданія къ нуждающимся. Въ немъ было много врожденнаго изящества и вкуса: грубость, внѣшняя и внутренняя неряшливость, моральная нечистоплотность и корысть ему были совершенно чужды...»

« ... О положительномъ вліяніи его на дѣло объединенія силъ на Югѣ Россіи извѣстно всѣмъ. Линія поведенія, отвѣчавшая обстановкѣ, спокойствіе и постоянство въ проведеніи намѣченныхъ задачъ, отсутствіе жестовъ, позы, уваженіе и довѣріе къ своимъ сотрудникамъ — вотъ неизмѣнныя черты характера покойнаго Атамана...»

« ... Всѣмъ казакамъ извѣстно, какъ покойный Дон. Атаманъ всегда, словомъ и дѣломъ, въ мѣру своихъ силъ и возможностей приходилъ на помощь донцамъ. Для личнаго ознакомленія съ положеніемъ казачьей эмиграціи, онъ по мѣрѣ возможности совершалъ объѣзды ея центровъ, поощряя и содѣйствуя образованію различныхъ полезныхъ организацій. Онъ пытался создать печатный органъ казачьей мысли.

Африканъ Петровичъ вмѣстѣ съ ген. Корниловымъ продѣлалъ такъ наз. «Ледяной походъ». Онъ былъ товарищемъ послѣдняго по Военной Академіи...»

«...Когда на Дону сталъ вопросъ съ кѣмъ идти—съ монархической, нѣмецко-австрійско-турецкой коалиціей или ея врагами,

демократическими парламентарными странами, Африканъ Петровичъ, тогда еще премьеръ-министръ Донской республики, безъ малѣйшаго колебанія сталъ на сторону демократическихъ странъ..»

«... Такая политическая линія поведенія Атамана Богаевскаго, мнѣ представляется, не случайной. Вся послѣдующая его государственная, общественно-политическая дѣятельность является доказательствомъ этого положенія. Такое общественное поведеніе А. П., полагаю, является отраженіемъ внутренняго, духовно моральнаго существа. Онъ былъ горячимъ патріотомъ казакомъ, твердый въ своихъ убѣжденіяхъ. Съ поработителями своего родного края у него иныхъ отношеній, кромѣ борьбы безкомпромиссной, не было...»

« ... Это былъ не только кристальной души и совѣсти человѣкъ, всесторонне образованный боевой генералъ, владѣющій не однимъ европейскимъ языкомъ, но человѣкъ, владѣвшій красивымъ и правдивымъ перомъ, художественными способностями, изящнымъ вкусомъ, но неизмѣнно скромный, врагъ крикливой, фальшивой актерской позы и жестовъ»

« Героическія и прекрасныя страницы новой исторіи донского казачества на вѣки будутъ связаны съ жизнью и дѣятельностью лучшихъ донскихъ казаковъ, казаковъ Каменской станицы Донецкаго округа братьями Африканомъ и Митрофаномъ Богаевскими....»

« ... Изгнанный тѣми же большевиками изъ Родины, среди жгучихъ заботъ бѣдности, пригвожденный злымъ недугомъ къ постели, на чужбинѣ скончался А. П. Богаевскій. Онъ страстно и искренне любилъ свой родной Тихій Донъ, его вольныя учрежденія. Онъ гордился Донскимъ парламентомъ — Донскимъ Войсковымъ Кругомъ...»

« ... Мы, лучше знавшіе А. П., не забудемъ его до конца жизни и онъ въ нашемъ сознаніи останется навсегда какъ подлинный типъ Дон. Атамана, отвѣчающій демократическимъ традиціямъ Донского Казачества...»

Во всѣхъ письмахъ, какъ мы видимъ, казаки отмѣчаютъ отеческую заботливость о нихъ, необыкновенную его доброту и отзывчивость и казаки въ большинствѣ своемъ высоко цѣнили эти качества и платили ему своей любовью и преданностью, которая отразилась не только въ этихъ соболѣзнованіяхъ, но и тогда, когда не стало Войсковой казны, по мѣрѣ своихъ силъ поддерживали его матеріяльно; когда онъ былъ тяжко боленъ, казаки на его лѣченіе, при общемъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, собрали около 10000 фр., а когда онъ умеръ, организовали похороны, до стойные его высокому званію — Атамана В. В. Д.; похороны эти представителями общерусской эмиграціи въ Парижѣ именовались «царскими» похоронами, а могилу его въ буквальномъ смыслѣ этого слова завалили многими десятками вѣнковъ и

цвѣтовъ и, наконецъ, на постройку памятника на его могилу собрали около 10.000 фр.

Представители общерусской эмиграціи въ своихъ письмахъ, какъ мы вицимъ, не только присоединились къ казачьей скорби, но и всесторонe отмѣтили свѣтлый образъ ушедшаго отъ насъ человѣка, воина и гражданина, бѣлаго рыцаря и казачьяго Вождя — Донского Атамана Африкана Петровича Богаевскаго.

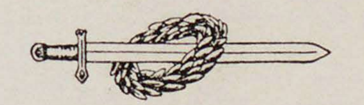
А. ПАДАЛКИНЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris XIIIe.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ИЛЛЮСТРАЦІИ

ВЪ РОССІИ

1914 г.

1915 г. въ Могилевѣ.
Царскій смотръ Лейбъ-Гвардіи Сводно-Казачьему полку. За Государемъ — ген. М. В. Алексѣевъ и командиръ полка ген.-майоръ А. П. Богаевскій.

1916 г. С.-Петербургъ.
А. П. и Н. В. Богаевскіе съ дѣтьми.

ШТАБЪ ПОХОДНАГО АТАМАНА ВЪ 1916 Г. МОГИЛЕВЪ.

Сидятъ слѣва: Ординарецъ — ес. Кузнецовъ, Начальникъ Штаба — ген. А. П. БОГАЕВСКІЙ, Походн. Атаманъ Вел. Кн. Борисъ Владимировичъ, ген. Сазоновъ. Стоятъ слѣва: 1) Полковникъ Грековъ. 2) Дѣлопроизв. — Головковъ. 3) И. д. старш. адъютанта — подъес Рябовъ-Рѣшетинъ. 4) Походный есаулъ — ес. Власовъ. 5) Шт.-офицеръ по артил. части — войск. старш. Максимовъ. 6), 7) и 8) Ординарцы — подъес. Верладинъ, сотн. Русиновъ и ес. Грековъ. 9) Нач. поѣзда литера «Д» Пох. Атамана Слободинскій.

На Дону въ 1919 году

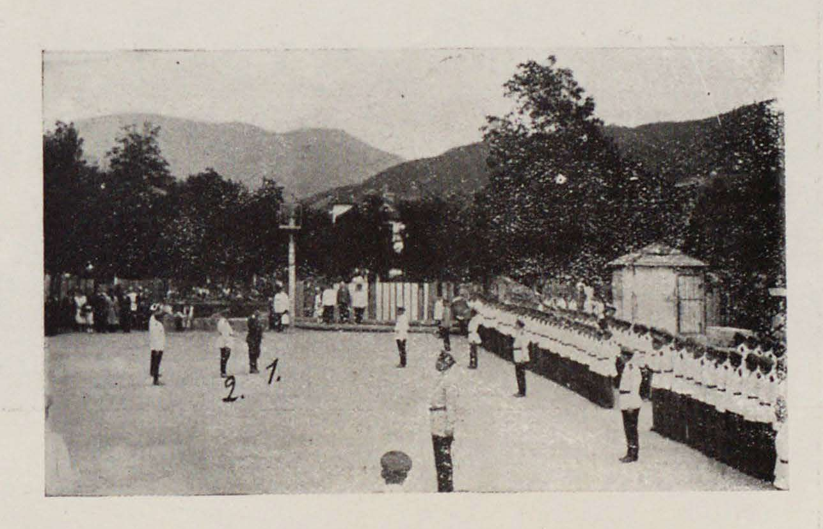
Пріемъ парада въ Новочеркасскѣ.

Хлѣбъ - соль калмыковъ.

ЗА РУБЕЖОМЪ

Югославія 1923 г.

Донской Кадетскій Имп. Александра III корпусъ.
1. Атаманъ А. П. Богаевскій. 2. Ген. Перретъ.

Посѣщеніе Донского Института.

А. П. Богаевскій среди донскихъ кадетъ.

Послѣдній путь

Казаки несутъ ордена покойнаго Атамана.

Тѣло Атамана въ гробу.

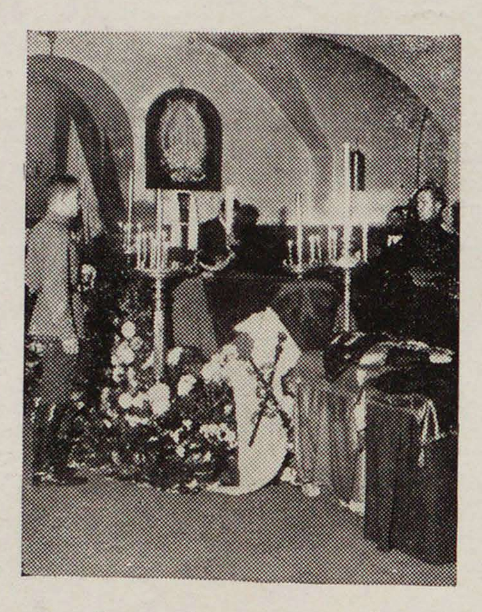
Выносъ гроба изъ храма

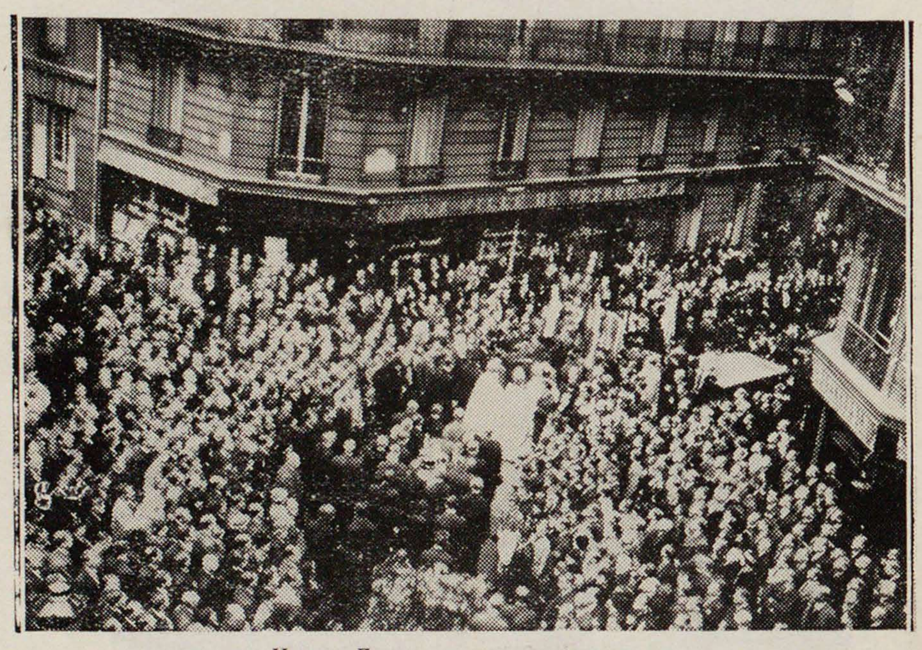

1. Графъ М. Н. Граббе. 2. Ген. Е: К: Миллеръ. 3. Ген. А. И. Деникинъ.

Послѣднее „прости“

Почетный караулъ у гроба.

На рю Дарю въ день похоронъ.

Цѣна 10 франковъ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ :

КОНТОРА ЖУРНАЛА « СТАНИЦА »

Адресъ :

Mr GOUSSEFF, 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e). France.